

Р А З С К А З Ы

И

П О В Ъ С Т И,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ

Н. Ш.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ВИНГЕБЕРА.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ пѣмъ, чшобы по оппечатаиіи, предспав-
лены были въ Ценсурный Комитетъ при
экземпляра. С. Пешербургъ, Марта 12 дня
1835 года.**

ЦЕНСОРЪ *А. Крыловъ.*

ПОД ЛЮБОВНУЮ
СДѢЛКУ.

(А. Д. И.)

I.

КОНТОРА АДВОКАТА.

— «Вошь еще плещется какая-то шинелишка!» сказалъ конпорскій писецъ, и скапавъ изъ хлѣба шарикъ, бросилъ его черезъ форпочку въ шляпу незнакомца, проходившаго чрезъ дворъ дома въ Вивьенской улицѣ, гдѣ жилъ Адвокатъ Г. Держиль.

«Нашъ начальникъ только-что легъ и никого не приметъ!» — отвѣчалъ старшій писецъ, оканчивая спашью въ расходную книгу.

— «Какъ бы подшупить надъ эшимъ Вандаломъ?» сказалъ попи-хоньку прешій писецъ, оспановясь на самомъ велерѣчивомъ мѣспѣ импровизируемой имъ просьбы, копорую онъ писалъ и дикшовавъ премъ новичкамъ провинціяламъ, опредѣлившимся въ коншору Адвокаша.

Пробило девять часовъ. Имприви-запоръ продолжалъ:

.... По глубокой мудрости своей Его Величество Людовикъ XVIII, пріявъ бразды правленія, постигъ истинное, высокое назначеніе своего царешвованія; загладилъ несчастія своихъ вѣрноподданныхъ, воспановивъ права нанепроданныя ихъ иму-

щества знаменимымъ и правосуднымъ повелѣніемъ, изданнымъ

— «Погодише ,» сказалъ онъ писавшимъ: «кончилась страница»

— «Ну!» прибавилъ попомъ, перевертывая толстѣйшій листъ гербовой бумаги что жъ вы придумали?

— «Скажашь ему ,» опвѣчалъ четвертый писецъ: «что Г. Адвокатъ принимаетъ просителей ночью опъ двухъ до трехъ часовъ . . . Посмотримъ, прійдетъ ли тогда эша мумія?»

Третій писецъ снова спалъ продолжашь начашую фразу:

— «Изданному ну что? .. написали?»

— «Написали.»

Дикповка, болшанье и злой умысль

происходили въ одно и то же время.

— «Изданному . . . а копораго года и мѣсяца?»

«Въ Юнѣ 1814 - го » отвѣчалъ первый писецъ , не оставляя своего занятія.

Три удара въ дверь прервали продолженіе высокопарной просьбы ; шесть кудрявыхъ писцовъ , оскаливъ зубы , съ живымъ , насмѣшливымъ видомъ , успавили глаза въ дверь и закричали всѣ вмѣстѣ :

— «Войдите !»

Одинъ лишь спаршій между ними сидѣлъ , ушкнувъ лице въ кипы бумагъ , называемыхъ въ приказномъ нарѣчїи *шпаргалами*, и обработывалъ свое дѣло.

Контору составляла большая комната съ старинною печью, въ коей

всѣ углубленія наполнены были произведеніями крючкопворсипва; желѣзныя трубы, діагонально пересѣкавшія комнапу, соединялись съ каминомъ, на которомъ лежали куски хлѣба, сыра, коплесы, стояли рюмки, бупылки и чашка съ шоколадомъ старшаго писца.

Испареніе опъ кушанья, смѣшавшись съ чадомъ черезъ - чуръ напопленной печки и особеннымъ запахомъ опъ вешихъ бумагъ, соспавляло такую атмосферу, которую не могла бы заглушить и пахучая виверра. Поль успланъ былъ грязью и снѣгомъ, напскааннымъ писцами.

Младшій изъ нихъ запивалъ свою закуску свѣжимъ воздухомъ, входившимъ въ опворенную форпочку, и опдыхалъ стоя, подобно ломовой лошади.

У окна споялъ письменный споль Адвокаша, а рядомъ — назначенный для его помощника.

Украшеніемъ конпоры были полинялыя объявленія о наложеніи запрещеній на недвижимыя имѣнія, о продажахъ и ш. п. Свѣпгъ едва проникалъ сквозь запачканныя спекла; и вообще въ Парижѣ мало такихъ конпоръ, гдѣ бы въ Февралѣ можно было чинпашъ безъ свѣчки; короче, описываемая теперь была мрачна, неопрятна, и всеяла непріятныя чувспва въ просипеля. Если бѣ не сущеспвовало лоскупныхъ рядовъ, конпора Адвокаша была бы въ нашъ вѣкъ самою ужасною черпою мѣспности. Адвокашы не слѣдовали за успѣхами вводимой опрятности, и комнаты ихъ заняпій остались грязны, какъ цирюльни; правда, и шамъ

также просителей брѣюшь и кровь имъ пускаюшь.

— «Гдѣ мой ножикъ?»

— «Что за вздоръ! — Я завтракаю.»

«Перестаньте, господа!»

Различныя восклицанія вырывались въ ту минушу, когда вошедшій спарикъ въ шинели, зашворивъ дверь, съ почтительностію искалъ признаковъ вѣжливости на неумолимыхъ и равнодушныхъ лицахъ шести писцовъ; по привычкѣ понимашь свѣпъ, онъ униженно обратился къ одному изъ нихъ, надѣясь возбудить чрезъ то его состраданіе.

— «Смѣю спросить, можно ли видѣть вашего начальника?»

Симонень, злой мальчишка, вмѣсто отвѣта, указалъ лѣвою рукою на ухо,

какъ бы желая тѣмъ выразить: я глухъ.

» Что вамъ надобно? « спросилъ четвертый писецъ, и проглашывая кусокъ хлѣба, кошорымъ можно было зарядить четырехъ-фунтовую пушку, повертывалъ ножемъ и складывалъ ноги такъ, что верхняя почти равнялась съ глазомъ.

— » Я, милоспивый государь, прихожу сюда въ пятый разъ. . . . « ошвѣчалъ проситель: » и желаю говорить съ Г. Дервилемъ. «

» По дѣлу, что ли? «

— » Такъ точно, но я намѣренъ объяснитьсь съ самимъ Адвокатомъ. . . . «

» Онъ спитъ, и если хопише посовѣшовапьясь съ нимъ на счетъ какихъ нибудь затрудненій, то скажу вамъ, что онъ серьезно занимается

ся только ночью.... Однако жъ въ чемъ ваше дѣло? ... мы вамъ не хуже его... «

Бѣдный проситель былъ неговорчивъ, и скромно осматривался вокругъ, подобно собакѣ, зашедшей въ кухню и боящейся побоевъ; но пищцы, по состоянію своему неимѣвшіе причины спрашиваться воровъ, оставили старика въ покоѣ, безъ малѣйшаго къ нему подозрѣнія, тогда какъ онъ щипцено оныскивалъ себѣ спугать, чувствуя ужасную услалость.

— » Милостивый государь, « сказалъ онъ, не находя ни спуга, гдѣ бы могъ сѣсть, ни привѣнливаго лица, которое бы внушало утѣшеніе: »я уже докладывалъ вамъ, что хочу о дѣлѣ своемъ говорить съ самимъ Г. Дервишемъ, и подожду, пока онъ проснется... «

Между тѣмъ старшій писецъ, окончивъ свою спашью, вспалъ съ камышевыхъ креселъ, подошелъ къ камину, вымѣрилъ спарика глазами съ головы до ногъ, поглядѣлъ на его шинель, сдѣлалъ жестокую гримасу, и думая, что ни какими пытками нельзя было бы поживишься отъ него и сопою часпью Франка, произнесъ ошрывисно:

» Вамъ ужъ, сударь, сказано... когда Адвокатъ занимается. Если у васъ дѣло важное, приходите въ часъ ночи. «

Проситель, какъ обезумленный, посмотрѣлъ на него, и съ минушу сполялъ неподвижно.

Писцы, привыкшіе ко всѣмъ измѣненіямъ лицъ и странностямъ просителей, происходящимъ отъ ихъ нерѣшительности или задумчивости,

продолжали ѣсть, не обращая вниманія на поѣшителя, и спучали челюстями, какъ лошади въ спойлахъ.

—» И такъ я прійду сегодня ночью,« сказалъ наконецъ старикъ, въ надеждѣ своимъ упорствомъ, споль своимъ виновнымъ злополучному, обличить во лжи безчеловѣчныхъ. Бѣднякамъ позволительна одна насмѣшка: пренебрегая несправедливыми отказами, надѣдапъ собой правосудію и благопшворительности Воспоржеспвовавъ надъ злобою, несчастные болѣе вѣряпъ въ Провидѣніе

—» Какова же голова!« заговорилъ младшій писецъ, не давъ старику припшворить двери.

—» Онъ какъ будто вышелъ изъ могилы,« прибавилъ другой.

— » Это Полковникъ , который послѣ своей смерти заводилъ тяжбу « сказалъ первый писецъ.

— » Нѣтъ, это старый *швейцаръ*, « возразилъ прешій.

— » Ударимся объ закладъ : изъ благородныхъ ли онъ? «

— » Извольте: я говорю, что онъ былъ швейцаромъ, « продолжалъ прешій писецъ: »на комъ же еще можетъ быть такая исшасканная, оборванная шинелишка; вы не видали его споппанныхъ худыхъ сапоговъ, его галспука. . . я увѣренъ, что онъ ночуетъ подъ моснами.«

— » Онъ могъ быть благороднымъ, и дерганъ за веревку, « замѣнилъ четвертый писецъ.

— » Нѣтъ, « сказалъ конпорщикъ при общемъ хохотѣ: »по-мосму, онъ въ 1789 году былъ пивоваромъ, а во

время республики — Полковникомъ.»

— » Ошвѣчаю спектаклемъ , что онъ никогда не служилъ въ военной!« возразилъ третій писецъ.

— » Ворошишесь, ворошишесь!« закричалъ младшій, отворивъ окно.

— » Что ты дѣлаешь?« спросилъ третій.

— » Зову его , чтобъ узнать, кто онъ: опспавной швейцаръ или Полковникъ, вѣдь это ему должно быть извѣстно.»

Все покапались со смѣха. Несчастный спарикъ ворошился.

— » Что жъ мы ему скажемъ?« началъ третій писецъ.

— » Предоставыше это мнѣ!« опшвѣчалъ первый изъ нихъ.

— » Послушайте, сударь, « сказалъ онъ, когда неизвѣстный, войдя робко, опушилъ глаза, можетъ быть,

для того, чтобъ не возбуждать напрасно аппетита, при видѣ кушанья: »сдѣлайте одолженіе: объясните намъ кно вы и какъ доложишь объ васъ Г. Адвокашу.«

— » Я Шаберъ!«

— » Не Полковникъ ли, убитый при Эйлау?« спросилъ одинъ изъ писцовъ, горѣвшій неперпѣніемъ къ островамъ поварищей прибавилъ и свою.

— » Онъ самый!« отвѣчалъ старикъ съ необыкновеннымъ просподушiemъ.

— » Ха, ха, ха, ха!... Охъ!... Уфъ!... умора... пошѣха!«

Смѣхъ, крикъ и восклицанія слились въ одинъ гулъ.

— » Такъ въ какой же мы идемъ театръ ?«

— » Въ *Оперу*.«

— » Объ этомъ уговора не было,« возразилъ претій писецъ; »въ другой, пожалуй; да и кто знаетъ, что эшошь орангушангъ не подшупилъ надъ нами? Полковникъ Шаберъ точно умеръ, жена его вышла за Графа Феррана, у насъ естъ ея дѣло.»

— » Оно опложено до завѣра! . . . » сказалъ старшій писецъ. . . »Ну-ка, господа, за работу. . . . ничего не дѣлается! «

— » Если бъ онъ былъ Полковникъ Шаберъ, то не далъ бы, думаете вы, пощечины Симонену, когда тотъ прикинулся глухимъ? « прибавилъ четвертый писецъ, счишая эшо замѣчаніе болѣе заслуживающимъ вѣроятія, чѣмъ сдѣланное претшымъ писцомъ.

— » Точно, шеперь эшо еще не рѣшено: шакъ пойдѣмъ-ше въ театръ посмотрѣть Тальму въ Неронѣ; мы

возьмемъ ложу, а Симоненъ отправи-
ся въ партеръ.»

Спаршій писецъ усьлся за сполъ,
всѣ послѣдовали его примѣру, и перья
заскрипѣли по бумагѣ.

Вотъ забавы, копорыя со време-
немъ, при воспомнаніяхъ нашихъ о
молодости, заставляюгъ насъ вос-
клицагъ: славное погда было жигье!

II.

В О С К Р Е С Е Н І Е .

Въ часъ ночи, назвавшійся Полко-
вникомъ Шаберомъ, постучалъ въ
ворота Г. Дервиля, Адвоката при
прибуналѣ 1-й инспанціи Сенскаго
Департаментна. Привратникъ объя-
вилъ, что Г. Дервиль еще не возвра-

щалея; но проситель, сославшись на писцовъ, вошелъ къ знаменишному законнику, который, не смотря на свои молодыя лѣта, извѣстенъ былъ за самаго дѣловаго человека.

Спарикъ удивился, видя, что производитель дѣлъ подбираетъ для доклада бумаги въ той самой комнатѣ, гдѣ поутру завтракали.

Тотъ, съ своей стороны не менѣе изумленный, поклонившись Полковнику, предложилъ ему сѣсть, на что онъ немедленно согласился.

— «Признаюсь вамъ, милостивый государь, я полагалъ, что вы на смѣхъ назначили мнѣ вчера такой ранній часъ для свиданія съ Г. Адвокатомъ,» сказалъ спарикъ съ принужденною улыбкою, посредствомъ которой несчастный спарашеся казаться веселымъ.

— «Писцы точно шутили и вмѣстѣ говорили правду. Г. Дервиль, по привычкѣ или просто по спра-сти, выбралъ для просмотра бумагъ это время. Тупѣ-то развертывающ-ся вполнѣ необычныя его сообра-женія. Онъ любитъ быть одинъ въ совершенной тишинѣ, и опѣ всѣхъ это скрываетъ. Въ печеніе шестид-лѣтнѣ, вы прешій приходите въ ша-кую пору. Принявшись ночью за ра-боту, онъ разсмаприваетъ каждое дѣло, читаетъ иной разъ часовъ пять, шестъ, потомъ звонитъ и излагаетъ свои мысли. Днемъ выслу-шиваетъ просителей; вечеромъ, сре-ди свѣтскаго шума, обдумываетъ ихъ процессы; и признавался самъ, что иногда счастливейшія идеи рождались у него во время разгово-ровъ и смѣха. Вотъ его жизнь. Онъ

чрезвычайно дѣлпелень, за шо и много получаеть денегъ.»

Старикъ молчалъ; но лице его приняло такое безсмысленное выраженіе, что удивленный сотрудникъ Адвоката, взглянувъ на него, переспалъ имъ заниматься. Спустя нѣсколько минутъ, пришелъ и Г. Дервиль.

Молодой Адвокатъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ бальномъ костюмѣ, остановился, и какъ бы осполбенѣлъ, увидѣвъ въ полуосвѣщенной шемнопѣ ожидавшаго его просителя.

Полковникъ Шаберъ стоялъ неподвижно, какъ восковая фигура изъ Курціева кабинета; но одна эта неподвижность не была бы причиною удивленія, происходившаго вообще ошъ неспешственности его вида. Онъ былъ высокъ, сухъ; глаза его, казавшіеся подернутыми прозрачною сѣп-

кой, можно бы даже было счесть оловянными, если бы при мерцаніи свѣчь они не опливали синеваго отблеска; лице блѣдное, спальное, мертвое; шея его обтянута была обрывкомъ чернаго плапка, описывавшимъ темный кругъ, и выдавшуюся изъ него голову, челоуѣкъ съ воображеніемъ принялъ бы, не видя корпуса, за случайно образовавшійся въ воздухѣ силуэтъ; словомъ, это была безъ рамы Рембрандова картина. Доля шляпы, нависшія на лобъ, отбрасывали тѣнь на лице его, опъ чего становились явственнѣе рѣзкія морщины, глубокія впадины и умерщвленныя чувства безжизненной фізіономіи. Совершенная неподвижность и потухшіе взоры вполне согласовались съ выраженіемъ жалкаго безумія и со всѣми унижательными признаками лишен-

ныхъ ума, производившими впечатлѣніе неизъяснимое, ужасное.

Но наблюдавшемъ, и особенно Адвокатомъ, могли бытъ замѣчены въ семь почти разрушенномъ спарцѣ, въ семь обломкѣ жизни, слѣды глубокой скорби — свидѣтели бѣдснвій, исперзавшихъ душу нѣкогда прекраснаго шѣла: пакъ капли воды, падающія съ неба, искажаютъ въ печеніе время великолѣпный мраморъ Докшоръ, Авшоръ, Судья, обдумали бы цѣлую драму при видѣ олицетвореннаго, высокаго ужаса, о копоромъ малѣйшее понятіе подали бы вамъ фантастическія изображенія, набрасываемыя живописцами, между дѣломъ и разговорами, по краямъ ихъ литографическихъ камней.

Увидѣвъ Адвоката, старикъ содрогнулся, какъ поэтъ, выведенный

внезапнымъ спукомъ изъ задумчивости, среди ночнаго безмолвія; потомъ поспѣшно вспалъ, чѣмъ поклониться, но парикъ, приспавши къ засаленной кожѣ внутри шляпы, оспался въ ней, и Полковникъ обнажилъ изувѣченную голову. Поперегъ ея проходилъ толстый рубецъ и оканчивался съ одной стороны у самаго затылка, а съ другою у праваго глаза. Парикомъ закрывалась зажившая рана, кошорою, по всей вѣроятности, голова была раздвоена.

Адвокатъ и его сотрудникъ забыли о смѣхѣ: ихъ поразилъ ужасомъ разрубленный черепъ, или, какъ бы другіе выразились, шрунъ безголовый, пошому что первою мыслию при взглядѣ на знакъ такой раны было то, что послѣ нея уже не могъ имѣть мѣста разсудокъ.

Если это и не Полковникъ Шаберь, то все же славный воинъ! подумали они.

— »Кого я имѣю честь видѣть?« спросилъ Дервиль.

— »Полковника Шабера. . . умершаго при Эйлау,« отвѣчалъ старикъ.

При этихъ спранныхъ словахъ, Адвокатъ и его помощникъ обмѣнялись взорами, значившими: онъ сумасшедшій.

— »Милоспивый государь!« продолжалъ Полковникъ: »я вамъ одному желалъ бы ввѣришь свою шайну. . . .«

Неуспрашимость, свойспвенная адвокатамъ — доспойна замѣчанія. Опъ навыка ли видѣть у себя множество людей, или по глубокому чувспиву законнаго покровисельспва, или по увѣренности въ важности своего званія, они, подобно священникамъ и

докторамъ, посѣщающъ всѣхъ и принимающъ сами, ничего не опасаясь...
Гражданская доблесть!....

» Днемъ я не скупъ на время,« сказалъ Адвокатъ, оставшись наединѣ съ Полковникомъ »но съ наступленіемъ ночи для меня дорога каждая минута, и такъ прошу объясняться внятнѣе и короче: я основую васъ на томъ, что покажется мнѣ шемнымъ!....

Молодой человекъ, усадивъ необыкновеннаго просителя, и сѣвъ самъ къ столу, началъ - было пробѣгать дѣла и вмѣстѣ съ большимъ вниманіемъ слушать умершаго Полковника, но скоро опложилъ бумаги.

— » Вы знаете, можете быть,« началъ покойникъ: »что я командовалъ кавалерійскимъ полкомъ при Эйлау и много способствовалъ бли-

стапельной атакѣ Мюрапа. Къ несчастью, эпопѣ историческій фактъ сохраненъ въ извѣстномъ сочиненіи: *Побѣды* и *Завоеванія*, гдѣ смерть моя описана со всею подробностію. Наша кавалерія разрѣзала при непріятельскія линіи, копорыя, построившись снова, принудили насъ сквозь нихъ прорубаться; разсѣявъ непріятеля, мы возвращались уже къ Императору, какъ вдругъ попался намъ свѣжій большой опрядъ: я бросаюсь на него, но меня атакуютъ два офицера, совершенные гиганты, и рубаютъ мой черепъ; я упалъ съ лошади; Мюрапъ хопѣлъ меня выручить, но прошея по мнѣ со всей своей бригадой — до шрехъ тысячъ человекъ не взыщете, что такъ мало О смерти моей доложили Государю; любя меня, онъ желалъ

знать, нѣтъ ли средства спасти того, кому опчаспи обязанъ былъ успѣхомъ славнѣйшей ашаки; опдалъ приказъ опыскать меня и перевезть въ походный госпиталь, сказавъ, и, можетъ быть, равнодушно: посмотрите, не дышитъ ли еще бѣдный Шаберъ? Проклятые Эскулапы, зная, что по мнѣ пронеслись два опчаянные полка, не помню, осматривали меня или нѣтъ, но только донесли, что я умеръ; и реляція о томъ была написана въ порядкѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ.»

Слыша удивительный, если неправдоподобный разсказъ своего просителя, Адвокатъ облокотился лѣвою рукою на столъ, подперъ ею голову, и взглянувъ на Полковника, сказалъ:

» Знаете ли, милостивый государь,

что я Адвокатъ Графини Ферранъ, вдовы Полковника Шабера ? «

— » Да, моей жены !... Послеъ безчисленныхъ и бесполезныхъ попытокъ у законниковъ, которые принимали меня за сумасшедшаго, я рѣшился обратиться къ вамъ... Не распространяясь теперь о всѣхъ своихъ несчастіяхъ, передамъ происшествія такъ, какъ мнѣ объ нихъ пересказывали; по разнымъ обстоятельствамъ, извѣстнымъ одному Богу, я принужденъ многіе изъ нихъ представлять въ видѣ догадокъ.

» Полученныя мною раны весьма естественно произвели во мнѣ родъ капалепсіи, оцѣпененіе во всѣхъ членахъ ; я, по заведенному обыкновению, былъ обобранъ, раздѣшъ донага и зарышъ съ мертвыми....

» Позвольте мнѣ разсказать обстоятельнѣе объ этомъ случаѣ. . . .

» Въ Шпунгардѣ я встрѣшилъ стараго квартирмистра нашего полка, почтеннаго человѣка; одинъ онъ захопѣлъ узнать меня и объяснилъ мнѣ чудесное мое спасеніе: по его словамъ, въ одно время со мною ранена была пулею въ бокъ и моя лошадь; мы упали вмѣстѣ, и я весь подвернулся подъ ея шѣло.—

» Очнувшись въ могилѣ, я почувствовалъ, что нахожусь въ такомъ положеніи и въ такой атмосферѣ, о которыхъ не въ силахъ сообщить вамъ идеи, хотя бы спалъ полковаша до завтра. Воздухъ, которымъ дышалъ я, былъ жарокъ, убійственъ; хочу подвинуться — нѣтъ мѣста. . . . открываю глаза, ничего не вижу; я опамятовался при мысли, что умру

опшъ духопы ; нестерпимая боль вывела меня изъ мертваго усыпленія. Въ ушахъ моихъ раздавался сильнѣйшій звонъ , я слышалъ , или воображалъ , что слышу, — ушверждать не смѣю, — споны изъ подъ груди пруповъ , на копорыхъ лежалъ я.

» Не смотря на то , что эти минупы помню я весьма не ясно , воспоминанія мои перебиты , и еще мучительнѣйшія спраданія , испытанныя мною послѣ , смѣшали всѣ мои идеи , — бывающъ ночи , что мнѣ чудятся спрашные вздохи Но ужаснѣе всего была пишина , какой я нигдѣ не встрѣчалъ попомъ ; почно пишина могильная !

» Поднявъ руки , я оцупилъ надъ моею головою пустопу ; усиливался ее измѣришь , и не поспигалъ , опшъ чего она могла произойти . — Вѣрояш-

но, по безопасности или по шоропливости, съ которою кидали безъ разбора и полковниковъ и рядовыхъ, два шѣла образовали надо мною шреугольникъ, какіе дѣлаюшъ изъ каршъ дѣши, строя домики. Я началъ обшаривать кругомъ съ непоспужимою скоростію; нашель руку, могу сказать, Геркулесовскую, и сѣ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Безъ этой неожиданной находки я бы погибъ!... Въ изступленіи принялся я раздвигать шрупы, опдѣлавшіе меня опъ брошенной на насъ земли, говорю на насъ, какъ будшо мы были живые!... Я не ослабѣвалъ, и не понимаю, какъ успѣлъ разрушить сводъ изъ человѣческихъ шѣлъ, составлявшій преграду между жизнию и мною; правда, со мной было три руки, и найденная мною, дѣйствуя опчаян-

но, доставляла мнѣ немного воздуха...

«Наконецъ я увидѣлъ свѣтъ... чрезъ свѣжнюю глыбу... Разможженные оспатки моей головы, также моихъ товарищей и лошади, можешъ бытъ, къ счастію, облепили меня какъ бы натуральнымъ пласшыремъ. — Едва черепъ мой коснулся свѣга, со мной сдѣлался обморокъ, — я безъ памяти кричалъ часа два... когда же очуспшвовался, сіяло солнце... я спалъ приподнимапсья, упираясь ногами въ окостенѣлые бока... до челоувчества ли было мнѣ! Напоследокъ одна женщина осмѣлилась подойти къ моей головѣ, высунувшейся изъ земли на подобіе гриба... Словами не выразишь неисповспва, съ какимъ я долго... да, долго смотрѣлъ на Нѣмцевъ, которые удалялись, слы-

ша голосъ и не замѣчая ничего. — И такъ я былъ высвобожденъ и перенесенъ моею спасительницею и ея мужемъ въ бивачный шалашъ.

»Во мнѣ возобновилась прежняя болѣзнь; я не въ состояніи вамъ объяснить ее, но, по увѣренію моихъ избавишелей, это былъ родъ паралича: у меня опіялись всѣ члены.

»Шесть мѣсяцевъ оставался я между жизнью и смерщю, не владѣя во все языкомъ, или же заговариваясь. . . Въ послѣдствіи меня помѣстили въ Крейславскую больницу.

»Предсавыше себѣ, что изъ могилы вышелъ я, какъ изъ упробы мапери, и когда, десять мѣсяцевъ спустя, вспомнивъ, что я Полковникъ Шаберъ, попросилъ своего присмотрщика обходиться со мной повѣжливѣе, всѣ мои сосѣди расхохотались.

»Однако жъ докторъ, конечно изъ самолюбія, ручался за мое выздоровленіе, и со временемъ, узнавъ опть меня о моемъ несчастіи, велѣлъ опыскашь могилу, опкуда я былъ выпашценъ, и допросить моихъ благодѣшелей о днѣ и часѣ, когда меня нашли, и въ почности описать мои раны, къ чему прибавилъ собственное обо мнѣ свидѣшество и описаніе. Но у меня нѣшть ни эшихъ важныхъ актовъ, ни объявленія, поданнаго мною Ношаріусу города Крейслау, въ доказательство, что я дѣйствительшо Графъ Шаберъ.

«По военнымъ происшествіямъ изгнанный изъ шого города, я посполно скишался, какъ бродяга, и мірскимъ подаяніемъ снискивалъ себѣ пропитаніе; меня считали за безум-

наго , если я начиналъ говорить о своемъ приключеніи ; а чшобы достать акты, которые бы могли подтвердить мои слова, не имѣлъ ни одного су... Опъ мученій я часпо подвергался болѣзнямъ, и по цѣлымъ мѣсяцамъ лежалъ въ городкахъ, гдѣ умирающему спрадальцу подавали помощь, но ему смѣялись въ глаза, если онъ хопѣлъ бытъ Полковникомъ Шаберомъ. . . .

«Мной овладѣло какое-то бѣшенство, вредившее моему здоровью, и въ Шпуггардѣ меня посадили въ шюрму, какъ полумумнаго. Судите сами по моему разсказу, не было ли въ самомъ дѣлѣ къ тому множества причинъ?»

«Послѣ двухъ-голичнаго започенія, между шѣмъ, какъ спорожамъ моимъ тысячу разъ говорено было: это бѣднѣкъ, помѣшанный на шомъ, что онъ

Полковникъ Шаберъ, я самъ усомнился въ сбыточности моего приключенія, унылъ, покорился своей участи, и ужъ не желалъ быть Полковникомъ Шаберомъ, лишь бы только вырваться изъ тюрьмы, опять увидѣть Францію... Парижъ... Ахъ, милоспивый государь, въ какомъ былъ бы я восторгъ!...

Графъ Шаберъ предался глубокой задумчивости, шайну кошорой Дервиль совѣспился вывѣдывать.

— «Въ одинъ прекрасный весенній день меня выпустили на волю съ десятию шалерами, подъ шѣмъ предлогомъ, что я обо всѣхъ предметахъ разсуждалъ здраво, и болѣе не назывался Полковникомъ Шаберомъ. Признаюсь, въ это время, и даже теперь случающяя минушы, что имя мое для меня несносно... я бы хотѣлъ

позабыть его. Если бы болѣзнь совершенно истребила во мнѣ воспоминаніе о прежней жизни, я былъ бы счастливъ!... Увѣренность въ правахъ своихъ меня убиваетъ... Я бы снова вспунилъ въ службу подъ другимъ именемъ, и почему знашь, можетъ быть, дослужился бы до Фельд-маршала...»

— «Я слушаю васъ, какъ бы во снѣ, сказалъ Дервиль, у меня перемѣшались всѣ идеи... дайше мнѣ прійти въ себя...»

— «Вы первый,» продолжалъ Полковникъ задумчиво, «выслушиваете меня такъ терпѣливо: въ васъ есть еще довѣрчивость... Ни одинъ Адвокатъ не хотѣлъ меня ссудить десятью червонными для полученія изъ Германіи бумагъ, необходимыхъ къ началію процесса.»

— «Какого процесса?» спросилъ Девиль, все забывши.

— «Какъ, милоспивый государь! Графиня Ферранъ моя жена, и пользуется 50-ю тысячами ливровъ дохода, принадлежащаго мнѣ. . . Когда я говорилъ людямъ, свѣдущимъ въ законахъ, людямъ умнымъ, что предполагаю оспоривать актъ о моей смерти и вшорой бракъ жены. . . они помирали со смѣху. . . Я былъ похороненъ между мертвыми, теперь же похороненъ между живыми, подъ бременемъ обстоятельствъ, оставленъ всѣми,—меня опяшь гошovy зарышь живаго въ могилу! . . нѣтъ, благодарю покорно.»

— «Не угодно ли вамъ продолжатъ, милоспивый государь.»

— «Не угодно ли!» вскричалъ несчастный старикъ, схвативъ молодаго

человѣка за руку. . . «Вошь первое слово! . . . «Полковникъ не договоря, заплакалъ ошь избышка чувствъ благодарности. —

«Послушайте,» сказалъ Адвокатъ: «сегодня я выигралъ въ каршы приспа Франковъ, шакъ половину изъ нихъ мнѣ можно употребить для благополучія ближняго. Я немедленно распоряжусь выпребованіемъ бумагъ, о кошорыхъ вы говорили, а до высылки ихъ, чрезъ десять дней, буду доставлять вамъ по пятидесяти Франковъ. . . Если вы Полковникъ Шаберъ, то вѣрно не оскорбитесь скудостью такой ссуды, снисходя къ недовѣрчивости, свойственной намъ, Адвокатамъ. . . но продолжайте. . .»

Полковникъ, какъ осполбенѣмый, оставался съ минушу безъ движенія; убитый бѣдствіями, онъ разучился

вѣришь, и гонялся за своимъ именемъ, своей славой, за самимъ собою, собственно изъ покорности пому неизъяснимому чувству, зародышъ котораго таишся въ сердцѣ каждого, и которому обязаны мы спраспью къ славъ, Химіею, Алхимическими изслѣдованіями, Астрономическими открытіями; въ глазахъ своихъ онъ былъ уже предметомъ впороспешеннымъ, какъ иногда для игрока желаніе выигрыша дороже самыхъ денегъ.

Такимъ образомъ слова Адвоката были какъ бы чудомъ для несчастливца, слишкомъ девять лѣтъ опвергаемаго всѣмъ свѣтомъ, женою, правосудіемъ. . . . Каково же было для него найши теперь десять червонныхъ, въ чемъ шакъ долго отказывали ему столько лицъ подъ разны-

ми изворопами? Полковникъ уподоблялся женщинѣ, спрадавшей лѣтъ двѣнадцать лихорадкою, и потомъ считавшей себя больною въ день выздоровленія. . . . Есть радости выше всякаго вѣроушія, поражающія насъ подобно молніи!

Бѣдный спрадалецъ, вполне проникнутый признапельностью, не въ состояніи былъ выразить ее. Мелочнымъ людямъ молчаніе его показалось бы холодностію, но Дервиль постигалъ силу честности въ этой безмолвной неподвижности. . . . Плутъ нашель бы что говорить.

— «На чемъ же я остановился?» сказалъ Полковникъ съ просподушіемъ ребенка или воина. . . Въ испинномъ солдашѣ часто бываетъ нѣчто дѣшское. . . и почти всегда что-то воинское въ дѣпяши.

— «На Шпунгардъ . . . когда васъ выпустили изъ пюрмы» отвѣчалъ Адвокатъ.

— «Вы знаете мою жену? ..» спросилъ вдругъ Полковникъ.

«Да,» отвѣчалъ Девиль, кивнувъ головою. . .

— «Что она?»

«Все еще прелесна.»

Спарикъ махнулъ рукою и, казалось, былъ пожираемъ пайною скорбію, но превозмогалъ ее торжественнымъ самоопроверженіемъ, опличающимъ шѣхъ, копорые испытаны кровью и огнемъ сраженій.

— «Милоспивый государь!» сказалъ попомъ Полковникъ съ нѣкоторою веселостью—(онъ начиналъ дышать свободнѣе, какъ будто выходилъ въ другой разъ изъ могилы, разогрѣвалъ слой снѣга, гораздо пвердѣйшій въ

сравненіи съ напуральнымъ , и впи-
валъ небесную атмосферу , вырвав-
шись изъ заповровъ) — будь я мо-
лодь , красивъ , тогда не испыталъ
бы такихъ несчастій. Женщины
вѣрятъ любовному краснорѣчію муж-
чинъ; отъ него земли подъ собой не
слышатъ , рвущаяся... увлекающа въ
свои сѣпи, разсыпающа мелкимъ бѣ-
сомъ... а я былъ живой мерзвецъ
въ одеждѣ нашихъ прародителей , и
походилъ болѣе на дикаря, нежели на
Европейца, я, котора въ 1799 году
считался первымъ щеголемъ и кра-
савцемъ... я, Графъ Шаберъ!

«Наконецъ , въ пошъ самый день ,
когда меня въ Штутгардѣ вышвыр-
нули, какъ собаку, на улицу, я встрѣ-
тилъ Квартермистра , о которомъ
сказывалъ вамъ , по имени Бушена.
Оба мы похожи были на пару клячь,

какая едва ли когда попадетсѣя. Я удидѣлъ его на гуляньѣ просящаго милосшыни. . . . Ему не возможно было узнать меня. . . Мы зашли въ одинъ *хромой* прахпирь, и когда я назвалъ себя, ропъ моего поварища разразился громкимъ хохотомъ, подобнымъ преску разорванной морпиры. . . Его веселосшь ужаснула меня, открывъ происпедшїя во мнѣ перемѣны. . . . точно я по виду былъ не Графъ, а скорѣе колѣва, шоргующїй сѣрными спичками; и такъ меня не могли уже узнать и глаза покорнѣйшаго, признательнѣйшаго изъ друзей! Я нѣкогда спасъ ему жизнь, но это была опшлапа шюю же монешюю. . . . Не расироспраняясь въ мелочахъ, скажу вамъ, что въ Венеціи я безъ него погибъ бы подъ ударомъ кинжала въ одномъ, не совсѣмъ благо-

приспойномъ, домъ; тогда я былъ не Полковникомъ, а проспо офицеромъ, какъ и Бупень; по счастью, подробности этого происшесствія извѣспны были намъ однимъ, и лишь шолько я ему ихъ напомнилъ, сомнѣніе его уменьшилось. Я рассказалъ ему странныя свои приключенія, и хошя мои глаза, мой голосъ, по словамъ его, чрезвычайно измѣнились, хошя я былъ везъ волосъ, безъ бровей, безъ зубовъ, съ побѣлѣвшей бородой, какъ Албиносъ, онъ призналъ во мнѣ своего Полковника, послѣ множества вопросовъ, на копорые я отвѣчалъ ему удовлетворительно.

«Тупъ онъ сообщилъ мнѣ свои похожденія, не менѣ моихъ удивительныя, послѣдствія Русской кампаніи, и опреченіе Наполеона: эпа новоспъ

была одна изъ ужаснѣйшихъ для меня. Бупенъ возвращался съ Кипайской границы, за копорую успѣлъ пробраться, бѣжавши изъ Сибири. Мы оба были обломки, довольно покапавшіеся по свѣшу, какъ кремни морскіе.

Бывши попроворнѣе меня, Бупенъ рѣшился ипши въ Парижъ, чшобъ увѣдомишь Графиню Шаберъ о моемъ положеніи. Я написалъ къ ней преподробное письмо... и эшо, милоспивый государь, было уже чешвершое...

«Имѣй я родспвенниковъ, со мной шого бы, можешъ бышь, не случилось; но я круглый сирота, подкидышь, солдашь, копорого наслѣдспво—храброспъ, семейство—цѣлый свѣпъ, опечество — Всеблагое Про-

видѣніе... Нѣтъ, я имѣлъ и опща...
въ особѣ Императора.

«Полиитическіе перевороты оправдывали молчаніе моеѣ жены...

«Бушенъ опсправился. Ахъ! онъ былъ очень счастливъ... держалъ при себѣ двухъ бѣлыхъ мѣдведѣй, славно выученныхъ и доставлявшихъ ему пропитаніе. Я далеко за нимъ слѣдовать не могъ: спраданія не позволяли мнѣ дѣлать большихъ переходовъ, и я плакалъ при прощаньѣ, прошедши, по возможности, нѣкоторое разстояніе. Въ Карлсруэ я опять почувствовалъ нервную боль въ головѣ, и шесть мѣсяцевъ пролежалъ въ углу пракипира на соломѣ.

«Душевныя муки конечно выше физическихъ, но менѣе возбуждаютъ состраданія... Помню, какъ я обливался горькими слезами предъ Страс-

бургской гостинницей, гдѣ нѣкогда я давалъ праздникъ, и гдѣ послѣ не вымолилъ себѣ даже куска хлѣба.

«Слѣдовавши той дорогой, о которой мы условились съ Бушеномъ, я справлялся на каждой почтѣ, нѣшъ ли ко мнѣ письма и денегъ, но допацился до самаго Парижа, ничего не получивши... Какое испыталъ я опчаяніе!...

«Бушень вѣрно умеръ, думалъ я.

«Въ самомъ дѣлѣ, онъ кончилъ жизнь при Ватерлоо, что я случайно узналъ въ послѣдствіи... и порученіе его къ моей женѣ вѣроятно осталось безъ успѣха.

«Я вошелъ въ Парижъ вмѣстѣ съ казаками... былъ безъ сапогъ, въ рубищѣ, и ночевавши на бивакахъ въ Клейскомъ лѣсу, самъ не понимаю, чѣмъ сдѣлался болѣнъ; послѣ чего

проходя предмѣстіе Св. Маршына , упалъ безъ чувствъ у дверей одной лавки. . . а очнулся въ домѣ Спранно-пріимныхъ.

«Тамъ съ мѣсяць я жилъ довольно спокойно ; попомъ , оппущенный безъ денегъ , но чувствуя себя здоровымъ , добрелъ до прелесной Парижской мостовой. . . Спѣшу въ улицу Мон - Бланъ , гдѣ жила Графиня Шаберъ въ моемъ домѣ , но онъ уже не существовалъ , и мѣсто его спекулянты застроили другими домами. Не зная , что жена моя вышла за Графа Феррана , я ничего не могъ объ ней вывѣдать. На послѣдокъ , отправляюсь къ Адвокапу , кошорый прежде занимался моими дѣлами , и узнаю , что онъ сдалъ свою должность одному молодому человѣку. Тотъ , къ величайшему моему удивле-

нію, розказавъ мнѣ объ участи моего имѣнія, переходѣ его въ другія руки, бракъ моей жены, рожденіи сю двухъ дѣшей, и когда я называлъ себя Полковникомъ Шаберомъ, онъ пакъ опкровенно расхохотался, что я долженъ былъ его оставишь. Вспомнивъ мое започеніе въ Спрасбургъ, и не желая возобновишь его въ Шаранпонъ, я рѣшился дѣйствовати разсудительнѣе. Распросивши, гдѣ живеть моя жена, лечу къ ней съ сердцемъ, полнымъ надежды.

«И что же?» вскричалъ Полковникъ съ испуленіемъ: »я не иначе былъ принятъ, какъ назвавшись вымышленнымъ именемъ, и выполкнувъ за дверь, когда хотѣлъ войти подъ своимъ настоящимъ.

» По цѣлымъ ночамъ я оставался
 Ч. III. 3

какъ бы прикованнымъ къ ворошамъ, чпобъ увидѣть Графиню Ферранъ, прїѣзжавшую съ поздняго бала по упру... Мой взоръ спремился въ коляску, лешѣвную передъ моими глазами съ быспропою молніи, и едва успѣвалъ ловить черпы той, копорая мнѣ болѣе не принадлежала...

» О, съ этой поры я спалъ жипь для миценія! » закричалъ снарикъ удупливымъ голосомъ, выпрямившись предъ Дервилемъ...

» Она слышала, что я живъ еще; она получила два письма послѣ моего возвращенія... Если она меня не любитъ, то я ее люблю и ненавижу, ею дышу и проклиная ее... Бездушная женщина!... обязана мнѣ соспоаніемъ, всѣмъ счаспіемъ, и не хотѣла пожертвовать для меня спасу.... Она!... она!...

Старый воинъ повалился на спудъ и опять пришелъ въ неподвижное положеніе.

Г. Дервиль безмолвно смотрѣлъ на своего просителя.

— «Дѣло презавязчивое!» сказалъ онъ наконецъ. »Даже предположивши законность бумагъ, копорыя должны находиться въ Гейльсбергъ, Богъ знаетъ, выиграемъ ли мы?»

— «О,» возразилъ съ холодностію Полковникъ, гордо поднявши голову »жели суждено мнѣ проиграть мое дѣло, то я знаю какъ умереть . . . только не одному. . .»

Старикъ сбросилъ съ себя всю дряхлость; глаза его запылали мессью.

— «Не пришлось бы обратиться къ мировымъ переговорамъ?» замѣшилъ Адвокатъ.

«Къ мировымъ переговорамъ!..»

повторилъ Полковникъ. «Существую я или нѣтъ?»

— » Милоспивый государь!« возразилъ Адвокатъ: »Вы, надѣюсь, послѣдуете моему совѣту... Ваше дѣло будетъ моимъ собственнымъ... Вы скоро увѣрились въ участіи, которое беру въ вашей судьбѣ, почти безпримѣрной въ юридическихъ лѣтписяхъ... Между прочимъ, вручу вамъ записочку къ моему Нотариусу: опъ него вы подъ расписку будете получать назначенныя деньги. Вамъ было бы неприлично искасть здѣсь вспоможенія... Если вы Полковникъ Шаберъ, то никому не должны обязываться, и опъ меня примите деньги въ видѣ займа.«

Утонченная вѣжливость со спорны молодого человѣка извлекла слезы изъ глазъ несчастнаго спарика...

Дервиль поспѣшилъ вспасть и пошелъ въ свой кабинетъ, откуда вскорѣ возвратился съ опкрытымъ письмомъ, и Полковникъ Шаберь, держа его въ рукахъ, оцупалъ сквозь бумагу монету.

— » Прошу васъ наименовать мнѣ всѣ акшы и мѣста,« сказалъ Адвокатъ.

Графъ продиктовалъ, что нужно; поправилъ орфографію въ названіяхъ; потомъ взявъ одною рукою шляпу, посмотрѣлъ на Дервиля, и просянувъ ему другую изсохшую руку, опъ души произнесъ:

— » Вѣрьте, милоспивый государь, что послѣ того, кто научилъ меня грамотѣ, и Императора... вы первый, которому я одолженъ всѣхъ болѣе... Вы опличный...«

Адвокатъ пожалъ Полковнику ру-

ку, проводилъ его на лѣспницу и посвѣтилъ ему . . .

— » Ну,« сказалъ Дервиль своему сотруднику: »я слышалъ исторію, за которую, можеть быть, заплачусь 25 лудорами; но не пожалѣю объ нихъ, хопя и буду обмануть. . . . тогда я въ правѣ сказать, что видѣлъ превосходнѣйшаго актера нашего времени.

Полковникъ, вышедши на улицу, и приблизясь къ фонарю, принялся перешипать полученную опъ Адвоката монету въ 20 франковъ, долго любовался ею при отраженіи свѣта, и потомъ закричалъ: »пойду купить себѣ цигарокъ!«

III.

ДВА ВИЗИТА.

Спустя четыре мѣсяца послѣ ночнаго совѣщанія между Полковникомъ Шаберомъ и Г. Дервилемъ, Нотариусъ, кошорому поручено было производить выдачу денегъ необыкновенному просителю, пришелъ къ Адвокату по одному дѣлу, и пошребовалъ съ него шесть сотъ франковъ, данныхъ Графу Шаберу.

»Ты содержишь спарую армію,» сказалъ, смѣясь, Нотариусъ.

— »Премного тебѣ благодаренъ, что ты мнѣ объ этомъ напомнилъ,» отвѣчалъ Дервиль. »Моя филантропія не такъ далеко просширалась... я и теперь боюсь быть одураченнымъ за свой папріюнизмъ«

Въ эту минуту онъ увидѣлъ на конторкѣ пакеты, и взоры его были поражены продолговатыми, квадратными и треугольными шпешпелями краснаго и синяго цвѣта, приложенными къ конверту, шедшему чрезъ Прусскую, Австрійскую и Баварскую почту.

— «Ну, вошь и развязка комедіи,» сказалъ Дервиль, улыбаясь. Схватилъ письмо, распечаталъ: оно писано было по-Нѣмецки.

— «Г. Букаръ!» закричалъ онъ своему письмоводителю.

Госпъ явился.

— «Переведите сами это письмо, и какъ можно скорѣе...»

Берлинскій Нотаріусъ, съ копорымъ сносился Дервиль, извѣщалъ его, что просимые имъ акты доставлялися къ нему чрезъ нѣсколь-

ко дней; что акты пѣ совершены въ порядкѣ и облечены всѣми законными формами; къ чему прибавлялъ онъ, что въ Прейсишъ - Эйлау живы многіе свидѣтели, допрошенные по всѣмъ правиламъ судопроизводства, и между прочими женщина, коюрой Графъ Шаберъ обязанъ спасеніемъ жизни....

— «Дѣло-то беретъ серьезный оборотъ,» сказалъ Дервиль, и взглянувъ на адресъ Полковника, означенный на данной Пошаріусу распискѣ, рѣшился пошъ же часъ ийти къ своему гросипелю, и увѣдомишь его о скорой присылкѣ документовъ.

Графъ Шаберъ жилъ въ улицѣ Орлеанъ-Сен-Марсель, занимая родъ берлоги, какихъ довольно въ Парижскихъ предмѣстїяхъ: пѣсную лачужку, складенную нѣкогда изъ спараго

щепня, и принадлежавшую скопнику. Дворъ заваленъ былъ навозомъ тамъ кудахтали куры; поросята разгуливали на свободѣ; многочисленныя семейства кроликовъ разводились за ржавою рѣшеткой.

Дворъ сквозь вѣшкія съ перещинами вороша представлялъ одну изъ Парижскихъ карсинъ, копорой вообразишь себѣ не могутъ иностранцы и вообще непамошніе жившлі. Надобно самому раземопрѣшь поція деревья, высокія лозы, жаждущія воздуха, какъ узники изъ-за оконъ съ желѣзными перещенами; надобно самому полюбоваться большими искривленными жеспянками, сминою клячею, старымъ издыреннымъ пряпьемъ, упопрѣбляемымъ на вытиранье сливочныхъ горшковъ и просушиваемыхъ на солнцѣ, — наконецъ увидѣшь

ребяпишекъ, копорые или гнѣздящ-ся въ соломѣ, либо льнушь къ воро-тамъ подобно плющу; цвѣтъ рас-преснувшихся спѣвъ и сдвинутыя съ пещель двери: тогда вы будете имѣть понятіе о родѣ эпихъ ви-довъ, и неожиданныхъ сценахъ, со-ставляющихъ рѣзкую противополож-ность съ зрѣлищами роскоши, шум-ными веселостями и фантастически-ми издѣліями въ улицахъ *Венеціан-ской*, *Піятръ-Сент-Авоа*, *Онъяръ* и другихъ.

Адвокатъ не скоро опыскалъ сво-его просипеля, пошому что лачужка его на эшопъ разъ оставалась толь-ко подъ присмотромъ трехъ безза-ботныхъ мальчишекъ. Одинъ, вска-рабкавшись на двухъ-колесную теле-гу съ недостѣльными зернами, бросалъ камни въ трубу сосѣдняго дома, на-

дѣясь что нибудь шамъ испоршилъ; другой пормошилъ поросенка, а прешій, подобно звѣрку, капался по соломѣ. Когда Г. Дервиль спросилъ, гдѣ живешь Полковникъ Шаберъ, они, молча, посмотрѣли на него съ лукавою протоптою, (если только можно соединить эти два свойства)... Дервиль вѣжливо повторилъ вопросъ свой... но плутовское перемигиванье шалуновъ вывело его изъ терпѣнія, и онъ обратился къ нимъ съ забавными угрозами, которыми молодые люди счищаютъ себя въ правѣ осыпашь дѣшей.

Они отвѣчали на это не человѣческимъ хохотомъ. Дервиль раскричался, и Полковникъ, по голосу его, вышелъ съ невыразимымъ военнымъ хладнокровіемъ на порогъ своей каморки, между чуланомъ и комнатою са-

мого скопника. Спарый служивый держалъ во рпу обшпануемую чахломъ, съ корошенькимъ чубукомъ, трубку, поднятъ козырекъ ужасно засаленнаго карпуза, и увидѣвъ Адвоката, пошелъ къ нему черезъ грязь съ открытой головой безъ парика, и дружески командовалъ мальчишкамъ:

— »Смирно! . . .«

Тѣ почтительно зашикли, что показывало власъ надъ ними спараго воина.

— »Зачѣмъ вы ко мнѣ не написали? . . .« сказалъ онъ Адвокату.—»Спупайше вдоль спѣны, шупъ еспъ вымощенная тропа,« прибавилъ Шаберь, замѣшивъ нерѣшимость Дервиля, нехотѣвшаго перепачкать себѣ ноги.

Послѣ немногихъ скачковъ, Дервиль добрался до порога двери, откуда вы-

шелъ Полковникъ , которому , казалось , было непріятно , что онъ вынужденъ принимать своего Адвоката въ такой компаніѣ.

Дѣйствительно, въ ней былъ только одинъ стулъ; графскую постель составляли нѣсколько пучковъ соломы, прикрытыхъ, по челолюбію хозяйки , двумя или тремя шпалерными обрывками, какіе подкладывають подъ себя молочницы въ своихъ телѣжкахъ.

Полъ былъ просто земляной, устланный свѣжею соломой , а перегородка, возлѣ которой спалъ Полковникъ, въ отвращеніе сырости опъ преснувшихъ, заплѣсневѣлыхъ стѣнъ, задергивалась рогожей. Знамениная шинель висѣла на гвоздѣ , въ углу стояли двѣ пары изношенныхъ сапоговъ, бѣлья же и слѣдовъ не было;

но на столѣ, усѣянномъ червопочинами, лежали бюллетени Главной Арміи, перепечашанные Планшаромъ.

Ясная фізіономія Полковника выражала спокойствіе. Надежда, полученная имъ послѣ свиданія съ Дервиемъ, и кошорою, по видимому, спрадалецъ поддерживалъ себя, казалось, измѣнила самыя черты его. Онъ былъ здоровъ, не такъ спаръ и меньше изувѣченъ.

»Не беспокоитъ ли васъ табачный дымъ?« спросилъ Полковникъ, подставляя Дервию полуразвалившійся стулъ.

— »О, нѣтъ,« отвѣчалъ Дервиль: »однако, Полковникъ, вамъ здѣсь жить очень худо.«

Эти слова вырвались у Дервиля опъ размышленій, происходившихъ изъ недовѣрчивости, извинительной

Адвокатамъ , и гореспной опыпнестн, рано пріобрѣшаемой нми при видѣ нравспвенныхъ бореній, коихъ они бнваюупть свидѣпеламн.

Вѣрно онъ прапнпть мон денпгн, подумалъ Дервнль, на исполненіе прехъ добродѣпелей старыхъ воіновъ: на нгру, вно и женцннъ!

— » Да . . . мнлоспнвпый государь, здѣсь почно нѣпть роскошн эпо походный бнвуакъ Но . . . «

Тупъ Графъ Шаберъ броснлъ про нцаташельный взглядъ на Дервнля.

«Но, » продолжалъ онъ попомъ, »я нн пропнвъ кого не вновалпть , нкого не оскорбнлъ . . . н опъ шого вездѣ спокоенъ! . . . «

Адвокатъ, разсуднвъ, что ему не ловко спрашнвалъ у своего кліенпа опщеша въ денпгахъ, сказаль:

— » Опъ чего же вы не поселнлнсь

въ самомъ городѣ?... и шамъ немногимъ развѣ дороже...»

«Все это правда!» отвѣчалъ Полковникъ: »но мои добрые хозяева прирѣли меня, кормили около года... Опець эшихъ прехъ малюпокъ старый Египтянинъ (*), видѣлъ пирамиды, а я не выучилъ еще его дѣшпей чипать...и оспавипъ ихъ значило бѣ быть неблагодарнымъ.»

— «Однако жѣ за ваши деньги онѣ могъ бы лучше помѣспипъ васъ.»

«Помилуйте! его дѣши также спяшъ на соломѣ! У него съ женой пѣже постель незавидная!... Они спѣсенены... взяли на себя обязанность сверхъ силъ; но довольно объ этомъ...»

—»Завтра или послѣ завтра я долженъ получить, Полковникъ, ваши

(*) Такъ называютъ солдаты пѣхъ, копорые были въ Египетскомъ походѣ.

документы, и скажу вамъ прекрасную новость: ваша избавительница еще жива.»

»Чортъ побери! Вотъ мы и съ деньгами!...«

Тутъ онъ бросилъ пружку объ полъ... - и ^{какую}... безцѣнную! но это было слѣдствіе весьма сшшшшвеннаго великодушнаго порыва.

— »Полковникъ! я долго размышлялъ о вашемъ дѣлѣ, и по моему мнѣнію, полюбовная сдѣлка вѣрнѣе формальнаго процесса... я бы сегодня же сходилъ къ Графинѣ Ферранъ, но не рѣшился, не предваривъ васъ...«

»Пойдемъ-те вмѣстѣ.«

— »Нѣтъ, возразилъ Адвокатъ: »вы все испорчите... Подумайте напередъ, Полковникъ: ваше дѣло выходитъ изъ обыкновеннаго порядка; оно разрѣшается не столько закона-

ми, сколько совѣспью, и пребуешъ прешейскаго разбора. Прошивъ васъ ваша жена и другой ея мужъ, люди сильные, которые могутъ имѣть вліяніе на власпей; формальные же процессы... почти безконечны: вы начнете искъ; прошивники спанутъ оспоривать ваши акты, приплеснутъ бездну вопросовъ поспороннихъ; при разборѣ дѣла, пойдутъ разногласія, и оно попянется до высшей инстанціи. Вы не дождетесь его окончанія, а судьи врядъ ли приговорятъ вамъ обезпеченіе, и процессъ васъ заму-читъ.»

»Я не погибъ же при всѣхъ несчастіяхъ,« отвѣчалъ Полковникъ...
 »Но спупайте къ моей женѣ!—я на васъ полагаюсь.«

Графъ Шаберъ проводилъ Дервиля до самой улицы.

Адвокатъ прошелъ нѣсколько шаговъ, чшобъ сѣсть въ свой кабріолешъ, какъ вдругъ встрѣченъ былъ человѣкомъ, по одеждѣ похожимъ на скопника.

»Вы, сударь, конечно родспвенникъ Г. Шаберу... я бы хотѣлъ сдѣлать вамъ для него предложеніе: знаете ли, что мы приняли его къ себѣ, когда онъ, бѣднякъ, умиралъ съ голоду... въ ту пору я съ женой только что обзаводился нынѣшнимъ хозяйствомъ, купивши эшопъ домикъ; денегъ у насъ не было; но живя съ расчетомъ, поправимся, думалъ я, а между тѣмъ надавалъ своему продавцу расписокъ, и срокъ послѣдней въ шесть сотъ франковъ оканчивался назадъ тому дней десять... Мы въ самомъ началѣ говорили Полковнику, что кромѣ хлѣба и молока, ничѣмъ

не можемъ ему служить... На это онъ сказалъ, что разбогатеетъ когда нибудь и за все заплашитъ. Вы же, кажешся, впередъ дали ему денегъ... не такъ ли?... Узнавши опъ сосѣдей, что мы въ дурныхъ общошательствахъ, онъ собралъ все, что получилъ опъ васъ, выкупилъ нашу расписку и опдалъ ее мнѣ... тогда, какъ мы знали, что у него и шабаку не всегда доставало, самого важнаго!... Каково же!... И послѣ этого мы теперь его должники. Вы, по его рассказамъ, человекъ добрый: не откажись судить намъ сколько нибудь, чтобъ мы могли сдѣлать почтенному жильцу платье, поубрать его комнату... Убогая наша пища, да плохая квартира, не споитъ шести сотъ франковъ... Мы бы господа опъ всего сердца не молокомъ

отблагодарить его... Ручаюсь честью, что себя заложу, а отдамъ вамъ долгъ —это также вѣрно, какъ я Луи Вернье.»

Дервиль, взглянувъ на него, посмотрѣлъ опять на его домикъ, дворъ, стойла, кроликовъ, ребяпишекъ, и тысячу мыслей пришло ему въ голову.

— » Ты иногда погуливаешь, мой; любезный?«

»Случаешься, сударь... надобно жъ иной разъ повеселиться.«

—И прекрасно!... Я охотно дамъ тебѣ, что ты попросишь... и даже больше, но не опъ себя: Полковникъ будетъ въ состояніи помогать вамъ, и я не хочу лишать его этого удовольствія.«

»Но скоро ли того дождемся?«

— »Да, скоро.«

»Ахъ, какъ я радъ за него!..«

И темножелтое лице говоруна, казалось, прояснилось веселоспью.

Графъ Ферранъ жилъ въ Сен-жерменскомъ предмѣстїи, занимая тамъ одинъ изъ опличнѣйшихъ домовъ.

Бывши просшымъ докладчикомъ при Наполеонѣ, онъ вошелъ къ нему въ милость по своему имени и личнымъ достоинствомъ; при возснановленїи же Бурбуновъ беспроднялся въ политическоѣ сферѣ.

Г. Ферранъ сопровождалъ Лудовика XVIII въ Гентъ. Пономъ возымѣлъ сильное влїяніе на Тайный Совѣтъ, въ которомъ онъ былъ Членомъ, и по видимому, мѣшилъ въ Шеры или Министры. Припомъ, будучи лѣтъ тридцати чепырехъ, милъ, ловокъ, спроень, и вообще прїятной наруж-

носпи, онъ всѣмъ нравился, и когда женился на Графинѣ Шаберь, ни-кто этому не удивлялся. Въ то вре-мя Графъ Ферранъ былъ небогаты, но принадлежалъ къ древней парла-ментской фамиліи, имѣвшей большія связи, и postanовленіе, о которомъ упоминалось въ началѣ повѣсти, пре-доснавило ему два владѣнія. Такимъ образомъ жена Графа Шабера, вышед-ши замужъ по любви, случайно соспа-вила вмѣстѣ и выгодную партію.

Графиня была молода, прекрасна, богата, любезна; но избалована по-хвалами и пріучена властвовать, иг-рала роль свѣтской дамы, дышала атмосферою роскоши, величія и без-печноспи, гдѣ праздники, концерты, суешныя заботы заставляли ее ве-сти жизнь пуспую, безъ размышле-ній; дѣшей она любила не такъ, какъ

мать, а для шона, изъ прихопи, и не измѣняла своему любовнику, бывшему послѣ ея мужемъ, попому только, что шопъ льстилъ ея самолюбію, былъ въ силѣ, красивъ собой и всегда влюбленъ въ нее.

Графиня похожа была на многихъ модныхъ женщинъ, копорыя въ душѣ не совсѣмъ чужды добрыхъ наклонностей, но испорченныя дурнымъ воспитаніемъ, лестью, госпинною жизнью, спановяпся въпрены, насмѣшливы, полагаются слишкомъ на свою красоту, всѣмъ пренебрегаютъ и жаждутъ увеселеній.

И такъ жена Графа Шабера, захвапивъ все его имѣніе, кружилась въ вихрь блестящаго общества, въ нѣдрахъ великолѣпія, тогда какъ несчастный мужъ ея влачилъ дни въ

грязномъ домишкѣ между живописными и скопникомъ.

Изъ всего этого Адвокатъ выводилъ то замѣчаніе, что пригожая женщина не захочетъ узнать даже и любовника, если онъ покажется въ парикѣ, истасканныхъ сапогахъ и старой шинели!

Дервиль принялъ былъ Графиню въ зимней споловой, гдѣ она изволила завпракать, играя съ обезьяной, привязанной къ столбику.

— »Здравствуйте, Г. Дервиль!« сказала она, продолжая поить обезьяну кофею.

Графиня была очаровательна въ упренномъ платьѣ; волосы, небрежно подобранные вверхъ, упали изъ-подъ чепчика, придававшего ей важный видъ. Золото, серебро, перламутръ сіяли на прелесномъ столикѣ;

кругомъ въ фарфоровыхъ вазахъ благоухами цвѣты.

Адвокатъ улыбался, глядя на эту картину; но улыбка его была язвительна и злобно выражала идеи вполнину философическія, вполнину насмѣшливыя, приходящія на умъ людямъ, обязаннымъ по должности своей видѣть правду, познавать сущность вещей, не смотря на ложь, кою каждый прикрываетъ свое состояніе. Росповѣдникъ, Докторъ, Адвокатъ — въ жишнейскомъ быту три великіе жреца Испины.

»Графиня!« сказалъ Дервиль сухо, оскорбленный холоднымъ пономъ, съ которымъ она его встрѣпила: »я пришелъ поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ...«

— »Ахъ! вы приводите меня опчаяніе.... Графа нѣтъ дома.«

» Тѣмъ лучше , потому что бывши при нашемъ разговорѣ , онъ пришелъ бы въ опчаяніе. Вы отъ прехъ словъ моихъ задумаетесь : Графъ Шаберъ живъ.»

Она расхохоталась.

— » И такими шулками вы хотите заставить меня задуматься!« сказала Графиня, но была смущена необыкновеннымъ взглядомъ Адвоката, показывавшимъ, что онъ твердо увѣренъ въ словахъ своихъ и внутренно надъ нею смѣется.

» Графиня!« произнесъ онъ съ холодно-колкою важностью: »вы видно не знаете всей угрожающей вамъ опасности? Начну съ того, что доказательствъ, неподверженныхъ ни малѣйшему сомнѣнію и ничѣмъ неоспоримыхъ, удостовѣряющъ о существова-

ніи Графа Шабера. Вы проиграете процессъ, рѣшившись ложно опровергать это актомъ о его смерти, и второй вашъ бракъ непременно признають ничтожнымъ; но ваше несчастіе и стыдъ будутъ состоять не въ томъ. Вы получили все имѣніе отъ Графа Шабера, и не любили его, слѣдуя прихоти сердца, а не законамъ, установленнымъ отъ Бога и Правительства; теперь докажутъ, что онъ писалъ къ вамъ гораздо прежде испеченія назначеннаго Уложеніемъ срока, послѣ котораго вдова можетъ выйти за другаго . . »

— » Эпо, сударь, вздоръ ! « закричала она съ запальчивостью кокешки: »я никогда не получала писемъ Графа Шабера, и тотъ, кто называетъ себя этимъ именемъ, вѣрно какой нибудь мошенникъ, сорвавшійся съ висѣлицы. . . «

» По счастью, мы здѣсь одни, и никто намъ лгати не мѣшаетъ... Но скажу вамъ, что есть свидѣтельство о полученіи вами перваго письма: оно было не простое, а съ приложеніемъ.»

— » О! что до этого... по...«

Графиня вдругъ ошановилась... съѣла... вспыхнула... поблѣднѣла... закрыла лице руками, и потомъ, забывъ стыдливость, сказала съ хладнокровіемъ, свойственнымъ однѣмъ женщинамъ:

— »Ну что жъ? процессъ, вопъ и все. Вы, сударь, Адвокатъ мнимаго Полковника, такъ прошу васъ убѣдить меня юридически... Скажите, можете ли возвратиться Графъ Шабель, когда самъ Бонапарте чрезъ Флигель-Адьюшанта удостоилъ меня увѣдомленіемъ объ его смерти, и когда я по сую пору получаю, какъ вдо-

ва, три тысячи франковъ, определенныхъ высшимъ начальствомъ? У меня есть множество доводовъ противъ всѣхъ Шаберовъ, которые являлись или впередъ являясь. Ну, если одинъ изъ нихъ и писалъ ко мнѣ, то что изъ этого слѣдуетъ?»

»То, что вы получали его письма,« возразилъ Адвокатъ: »и попому напрасно извоили поропиться замужствомъ. Начавъ формальную тяжбу, мы найдемъ средство вырвать у васъ собственное сознание. . . . Но я хочу пощадить васъ отъ позорнаго процесса. . . . любовною сдѣлкой вы можете опровергнуть гибельныя послѣдствія. . . . оскорбление чести. . . . названіе дѣтей вашихъ прижитыми внѣ законнаго брака! Помните: вы причиняли своему благодѣтелю ужасныя ссраданія. . . . Что

скажешъ свѣшь! Адвокаты краснорѣчивы, когда правая спорона сама за себя говоритъ. . О! у насъ есть ходкія перья, копорыя умѣютъ объяснять права... и святое право Полковника Графа Шабера будетъ для васъ убійственно — предастъ самое имя ваше всеобщему поруганію; никакія силы не власны оспановить исполненія правосудія: подтвердительные акты уже здѣсь, и хошите ли слышать мое мнѣніе, по чистой совѣсти? Несчастные, потерявшіе голову на эшафотъ, по справедливому приговору Суда, несравненно менѣе васъ виновны: они покушались иногда на пресупленіе, чшобъ не умереть съ голоду; вы же девять лѣтъ терзали своего мужа неслыханными муками; тысячи смершей наносили ему... и все это умышленно, да, умышленно!

Вы получили отъ него четьре письма, и видѣли его посланнаго...»

Графиня помертвѣла!...

»Не знаю, согласится ли Полковникъ на сдѣлку, но онъ васъ любитъ!«
Графиня подняла голову; въ глазахъ ея блеснулъ лучъ надежды, которую она, можешъ быть, основывала на слѣпой любви къ ней перваго мужа.

»Буду ожидать вашего отвѣта, чтобы знать рѣшительно, надобно ли объявить вамъ наши акты, или вы разсудите чрезъ три дня прѣхашъ ко мнѣ для предварительнаго заговоренія сдѣлки.«

IV.

Домъ призрѣнія убогихъ.

Въ прекрасное Іюнское утро, спуская недѣлю послѣ двухъ посѣщеній, сдѣланныхъ Г. Дервилемъ, супруги, столь странно и почти по сверхъестественному случаю разошедшіеся, отправились, съ противоположныхъ сторонъ города, для свиданія, въ контору общаго ихъ Адвоката.

Полковникъ Шаберъ, съ помощію великодушной ссуды Дервиля, одѣвъ былъ прилично своему званію, и пріѣхалъ въ весьма порядочномъ кабріолетѣ, выбритый, въ парикъ, приновренномъ къ его фізіономіи, въ плащѣ синяго сукна, новыхъ сапогахъ, чистомъ бѣльѣ и съ кресломъ на золотой пряжкѣ.

Въ немъ ожили прежнія привычки военной молодцоватости. Онъ держался прямо, казалось, помолодѣлъ, и вовсе не былъ похожъ на Шабера въ изношенной шинели, какъ спарое су на сорока-франковую монету, только-что выбитую.

При видѣ его проходящiе легко узнавали въ немъ одного изъ величественныхъ остатковъ прежняго войска, одного изъ героевъ, на коихъ отражается народная слава, и которые служатъ представителями ея: такъ зеркало, освѣщенное солнцемъ, отбрасываетъ всѣ лучи его. Спарые войны—живыя картины и льпописи.

Важное и таинственное лице Полковника, вѣроятно отъ лучшей нищи, пополнѣло; на немъ изображалось довольство со всѣми его надеждами, и онъ выпрыгнулъ изъ каб-

ріолена, какъ челоуѣкъ молодыхъ лѣтъ.

Вслѣдъ за нѣмъ подѣхала къ Дервилеву дому прелестная кареша, украшенная гербами.

Графиня Ферранъ вышла въ одеждѣ проспой, но ловко сшитой и выказывавшей всю гибкость стройнаго снана. На ней былъ красивый капюшъ, подбитый розовой маперіей, который обрисовывалъ округлости и вмѣстѣ придавалъ ей всѣ обольщенія молодости. Въ этой встрѣчѣ представлялась смѣсь драматическаго съ комическимъ; она показала бы еще разительнѣе, если бъ законный супругъ явился въ прежнемъ своемъ рубищѣ, но и теперь была не безъ занимательности. Какая сцена внутри мрачной конюры! . . .

Писцы, увидѣвъ сперва Полковника, попомъ Графиню Ферранъ, завели на счепъ ихъ безконечные толки и споры.

Дервиль попросилъ Полковника побыть въ его спальнѣ, а самъ остался съ Графинею.

«Не знаяши, пріятно ли будетъ вамъ видѣшь Его Сіятельство Графа Шабера, я помѣстилъ васъ въ разныхъ комнапахъ.... Но ежели прикажете. . .»

— »О, благодарю за вниманіе. . .»

«И пакъ, Графиня, я пригошовилъ акпъ, условія котораго опъ васъ зависипъ приняшь или опвергнушь, и вы можете обсудить ихъ съ своимъ супругомъ; я попеременно буду передавать вамъ опъ одного другому ваши возраженія.»

— «Посмотримъ,» сказала Графиня съ видимымъ неперпѣніемъ.

«8 Марта, въ конпюрѣ Дервиля, Адвоката и проч. явились:

«Г. Гіациншъ Шаберъ, рожденный въ Парижѣ 1-го Юля 1765 года, и крещенный 2-го числа того жъ мѣсяца въ Воспитательномъ Домѣ на другой день его приноса, и Г-жа Роза Шапошель, по первому браку супруга Графа Шабера, урожденная...»

— «Довольно!» возразила Графиня: «къ чему эти предисловія? ... обратимся къ дѣлу.»

— «Предисловіе,» сказалъ Адвокатъ, «вкратцѣ объясняетъ взаимныя отношенія ваши другъ къ другу; запущемъ въ первомъ пунктѣ, вы признаете, что лице, означенное въ актахъ, приложенныхъ къ сей сдѣлкѣ, и описанное въ присуществіи ихъ

свидѣтелей, есть Графъ Шаберъ, первый супругъ вашъ.

«Впорымъ пункпомъ онъ обязывается не предъявляшь вашего признанія, исключая только случая, объясненнаго въ самой сдѣлкѣ.

— «И эпошь случай» прибавилъ Дервиль въ видѣ вводныхъ словъ: «есть собственно несоблюденіе постановляемаго договора.»

— «Сверхъ того, Графъ Шаберъ,» продолжалъ Дервиль: «соглашаеиша не опровергаиша акна о его смерши, не домогаиша распорженія впораго брака, не смонря на его ничпожностъ, въ копорой бы вы сами прииуждены были сознаиша по суду, и оспавляеиша васъ при наспоащемъ владѣнн.»

— «И что же за все это? ...» спросила удивленная Графиня.

«Пунктъ претій,» сказалъ Адвокатъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ: «обязываетъ васъ представить Графу Шаберу пожизненный доходъ въ 25 т. Франковъ, съ капитала, внесеннаго въ Сохранную Казну, съ тѣмъ, что онъ, послѣ смерти Графа, доставленъ вамъ. . .

— «Дорого же обходятся покойники! . . .» сказала Графиня съ смѣхомъ.

«Но не состоятъ ли въ томъ ваши выгоды?»

— «Хорошо, хорошо, если мнѣ будетъ доказано, что томъ, чье право вы отстаиваете, точно Графъ Шаберъ, я согласна. . .»

«Вы увидите, Графиня, узнавъ его, потому что онъ помѣщаетъ въ свою пользу еще одну статью. . .»

Дервиль колебался.» съ тѣмъ,

опиъ которой я никакъ не могъ оп-
клонить его.»

— «Что, что такое?» спросила
Графиня съ сильнымъ любопыш-
ствомъ.

— «Онъ пребуешъ, чпобы вы по
крайней мѣрѣ два дня въ мѣсяцъ
принимали его какъ мужа.»

— «О ужасъ!» вскричала Графиня,
вскочивъ со стула.

— «Онъ хотѣлъ еще болѣе, но я
уже. . .»

— «Довольно, довольно,» сказала она:
«мы будемъ вести процессъ! . . .»

— «Да, мы будемъ вести процессъ,»
произнесъ глухимъ голосомъ Полков-
никъ, расшворивъ двери и явившись
передъ женою.

Онъ стоялъ неподвижно съ ви-
домъ суровымъ, неумолимымъ; одну
руку держалъ въ жилетѣ, другою же,

обращенною внизъ, указывалъ на полъ, и эпокъ жескъ казался ужаснымъ.

— «Такъ, эпо онъ!...» подумала Графиня.

— «Теперь, сударыня» продолжалъ старый воинъ: «я хочу, чпобы вы вполне мнѣ принадлежали, и не намѣренъ дѣлаться.»

— «Да эпо совсѣмъ не Полковникъ Шаберьъ,» возразила Графиня, припворясь удивленною.

— «А!...» сказалъ шарикъ самымъ насмѣшливымъ тономъ: «вамъ угодно доказательствъ? . . . Извольте: я увидѣлся съ вами первый разъ у Графа Жильбера, — вы были горничною его жены.»

Графиня даже изъ - за румянъ поблѣднѣла, и Полковникъ, видя оправданіе женщины, нѣкогда любимой имъ пламенно, оспановился, но встрѣ-

шивъ змѣнный взглядъ ея, прибавилъ:

— «Кромѣ меня, могъ ли кто знашь это? ну, что же? Вамъ нужны еще сильнѣйшія убѣжденія? Пожалуй. Не я ли одинъ опучалъ васъ опъ милыхъ привычекъ? . . .»

— »Увольте меня, сдѣлайте одолженіе,» сказала Графиня Адвокашу: «я пріѣхала, не за тѣмъ, чѣшобъ слушать такія дерзоспи.»«

Она вспала и вышла.

— «Вошъ какъ, Полковникъ, вы ведете свои дѣла,» молвилъ Адвокашъ.

Дервиль бросился въ коншору, но, ужъ тамъ не было Графини; она какъ будшо улепѣла на крыльяхъ; возврашись, онъ нашелъ Полковника въ совершенномъ испушеніи, хо-

дившаго большими шагами по комнаптъ.

— «Женщина, копорой я доставилъ милліонъ... и копорая со мной поргуешся... копорая желала быпъ моей женою... и измѣнила мнѣ... я убью ее!...»

«Не имѣлъ ли я причины просить васъ, Полковникъ, не показываться? ... Я теперь увѣренъ, что вы почно Графъ Шаберъ: съ вашимъ появленіемъ, по ея движенію было видно, что она въ томъ не сомнѣваешся... но вы все испортили...»

— «Я убью ее!...»

«Глупосипи! васъ схватяптъ и предадутъ казни, какъ преступника... да можетъ быть, вы еще и промахнешесь, что было бы непроспительно; въ такихъ случаяхъ ужъ промаха давать не надобно... однако жъ

предоставьте мнѣ поправить вашу ошибку... и спускайтесь...

Добрый Полковникъ, повинувшись своему юному благодѣтелю, вышелъ съ извиненіями.

Онъ спускался по ступенямъ черной лѣспницы, шедъ въ мрачныхъ мысляхъ, удрученный новымъ, жесточайшимъ ударомъ, нанесшимъ самую глубокую рану его сердцу, — какъ вдругъ, на послѣдней площадкѣ, послышался ему шорохъ платья, и предъ нимъ очутилась его жена.

«Пойдемъ-те!» сказала она, взявъ его за руку съ знакомымъ ему нѣкогда движеніемъ.

Ея голосъ, жесты, произношеніе, произвели на несповство бѣднаго мужа дѣйствіе, подобное тому, какое производитъ капля холодной во-

ды, пущенная въ кошель, наполненный парами.

Весь гнѣвъ въ немъ пропалъ... Онъ обомлѣлъ и далъ себя увлечь до самой коляски.

— «Что жъ вы? ... садитесь...» сказала Графиня, когда лакей развернулъ подножки.

И Полковникъ, какъ бы перенесенный волшебствомъ, сидѣлъ возлѣ жены въ прекрасномъ экипажѣ.

— «Куда прикажете?» спросилъ слуга.

— «Въ Грослей!» отвѣчала она.

Лошади понеслись по городу.

«Послушайте!» начала Графиня шѣмъ тономъ, который пробуждаетъ ощущенія рѣдкія въ жизни, волнующія всю кровь въ насъ: тогда сердце, нервы, физіономія, душа и шѣло, каждый мускулъ приходитъ

въ сопрясеніе; мы не знаемъ, въ какую обласць улспааетъ жизнь наша, но кажешя, не чувспвуемъ ее: она изливаешя попоками. Эпо попрясеніе сообщается подобно заразѣ: передается голосомъ, взглядомъ, миной, наполняешъ воздухъ, дѣлаешя магнетической силой. Такъ содрогнулся и спарый Графъ, услыша первое, роковое слово: послушайте!

Въ немъ заключались упрекъ, просьба, прощеніе, надежда, опчаяніе, вопросъ, опвѣтъ; и женщина могла придашь одному слову сполько краснорѣчія и чувства — женщина, немѣющая сердца! . . .

Полковникъ перзался за свои сомнѣнія, пребованія и запальчивость, и опуспилъ глаза съ намѣреніемъ скрышь смущеніе.

— «Послушайте!» повторила Гра-

финя послѣ непримѣтнаго молчанія:
 »я васъ узнала...»

— «Розина!» вскричалъ добрый спарикъ: «ты заспавляешь меня позабышь всѣ мои несчастія.»

Онъ уперъ двѣ крупныя, горячія слезы, упавшія на руки жены его, которыя онъ жалъ съ родителъскою нѣжностію.

— «И вы не догадались, какъ мнѣ тягостно было такое непріятное положеніе передъ постороннимъ; пусть буду я спыдись за себя въ своемъ семействѣ, если ужъ это необходимо... въ нашихъ сердцахъ должна быть погребена моя тайна... Вы, надѣюсь, просните мнѣ мое наружное невниманіе къ бѣдствіямъ Графа Шабера, сущесствованію кошераго я въ правѣ была не вѣришь...»

«Точно я получила ваши письма ,» прибавила съ живоспшью , предусматривая по чертамъ мужа возраженіе... «но посмотриѣли бы вы на нихъ! Они дошли до меня слишкомъ чрезъ годъ послѣ Эйлаускаго сраженія, незапечатанныя; между тѣмъ контрактъ на новый бракъ мой утверждень былъ подписью самого Наполеона: какъ же мнѣ не полагать, что какой нибудь ловкій плутокъ проспо вздумалъ подсмѣяться надо мною. . . . Чтубъ не нарушанъ спокойствія Графа Феррана и не разрушанъ семейственнхъ узъ , я обязана была взять предосторожности прѣшивъ мнимаго Шабера. . . и не имѣла ли досматочной причины. . . судите сами.»

— «Да, ты права! я дуракъ , глупецъ , не умѣлъ сообразить всѣхъ послѣдствій. . . Но куда мы ѣдемъ?»

спросилъ Полковникъ , примѣпя за-
снраву. . .

«На мою дачу, около Грослей ,
въ Монморанси. . . Тамъ мы подума-
емъ , что намъ предпринять . . . я
знаю свои обязанности. . . знаю, что
я ваша по праву, хотя и принадле-
жу теперь другому. . . Но неужли вы
желаете , чтобы мы сдѣлались сказ-
кою Париза . . . всей Европы? . . . Ког-
да вы рѣшите мою участь, я поко-
рюсь вашему приговору, но до того,
и прежде огласки нашей романической
исторіи , сохранимъ свое достоин-
ство.

«Вы еще любите меня!» сказала
она, бросивъ на Полковника томный
и вѣснлгъ нѣжный взглядъ: «вамъ из-
вѣстно, что мнѣ можно было вступитъ
въ другія обязанности. . .
Почему не вѣришься благородству

вашего характера?.. Я люблю Г. Феррана, не отъ того, что онъ молодъ и мнѣ нравился: нѣтъ, будь онъ старикъ, я, кажется, несравненно больше бы его любила; считаю себя въ правѣ любить... и не стыжусь этого признанія... Оно васъ оскорбляетъ, но не безчеститъ... я смотрю на васъ, какъ на отца, какъ на друга; тайный голосъ или доброша ваша, столько разъ мною испытанная, увѣряетъ меня, что вы, по великодушію, простите мнѣ эту неприятную для васъ опроверженность... Къ чему я епану припворяюсь?.... могу ли скрыть предъ вами свои чувства? Я осмѣливаюсь васъ избрать моимъ судьей, и отдаюсь на вашу волю... Случай оставилъ меня вдовою... но не матерью, кошорою я сдѣлалась впоследствии...»

Полковникъ движеніемъ руки просилъ жену переспать, и они поѣхали молча. Шаберу казалось, что онъ видитъ дѣшею ея...

— «Розина!»

— «Что такое?»

— «Глупо мерзвцамъ возвращаться къ женамъ!»

— «Онъ чего же! не принимайте меня за неблагодарную: конечно, вмѣсто жены, вы видите мать, и хотя ни въ моей власпи любить васъ, но я знаю, чѣмъ одолжена вамъ, и готова описывать всю нѣжностію...»

— «Розина!» прервалъ Полковникъ съ кротоспью: «я не имѣю ни малѣйшаго неудовольствія . . . , и если предлагалъ тебѣ жестокія условія, то изъ мщенія за то, что ты не приняла участія въ моихъ бѣдспвіяхъ.»

Графиня покраснѣла... и старикъ, удивленный ея спыдливостью, воображалъ себя счастливымъ, находя въ ней свойсства, плѣнявшія его нѣкогда.

—«Я все позабуду,» прибавилъ онъ съ улыбкою, отражавшею въ себѣ прелестную душу... «я не такъ грубъ, чтобъ сталъ добиваться наружныхъ знаковъ любви, коюрой не разделяю съ мною.

—«Въ странномъ пребываніи моемъ я находилъ одну сладость мести... хопѣлъ бытъ живымъ угрызеніемъ вашей совѣсти, омрачать ваше счастье мыслью, позоромъ...»

Графиня бросила на него взглядъ, столь ясно выражавшій признательность, что бѣдный Шаберъ гошовъ былъ снова закопанъ въ могилу.

Есть люди съ возвышенными чувствами, допускающими такія пожертвованія: они дорого цѣнятъ каждый взглядъ, каждое слово; обстоятельство, ничтожныя въ понятіи большей части людей, оставляютъ въ нихъ навсегда неизгладимыя впечатлѣнія... Благородныя, неиспорченныя души!

— «Обо всемъ этомъ мы поговоримъ послѣ съ покойнымъ духомъ,» сказала Графиня.

Разговоръ принялъ другой оборотъ, и хотя она часто обращалась къ необыкновенному своему положенію прямо или намѣками, но ѣхали они весьма пріятно, припоминая прежній ихъ союзъ и разные случаи, относившіеся къ бывшему Правительству. Графиня умѣла придать воспоминаніямъ особенное очарованіе, набра-

сывая на нихъ меланхолическую краску, что поддерживало важность настоящей сцены. Она оживляла любовь, не возбуждая ни какихъ желаній, и открывала первому супругу пріобрѣтенныя ею нравственныя богатства, которыя отчасти должны были соспавлять и его счастье.

Наконецъ окольной дорогою пріѣхали къ парку, въ небольшую долину, отдѣляющую высоты Морганскія отъ красивой деревни Грослей. Тамъ у Графини былъ прелесный домъ, гдѣ Полковникъ, по пріѣздѣ своемъ, увидѣлъ заблаговременно сдѣланныя приготовления къ принятію ихъ обоихъ.

Несчастіе увеличиваетъ недоверчивость и злобу людей черствыхъ; одаренныхъ же въ полномъ смыслѣ добрымъ сердцемъ, дѣлаешь еще доб-

рѣе; это въ своемъ родѣ талисманъ, котораго сила состоиптъ въ укрѣпленіи природныхъ свойствъ нашихъ: такъ и Полковникъ, посвященный въ тайны ненспытанныхъ другими спрада- ній, былъ расположенъ къ добру болѣе прежняго. Однако-жъ совсѣмъ шѣмъ не могъ не спросить у жены:

» Вы ужъ напередъ думали привезшь меня сюда? »

— » Да ! » отвѣчала она : » въ случаѣ, если найду въ васъ точно Графа Шабера.»

И расхохоталась такъ чистосердечно, по видимому, что Полковникъ внутренно раскаявался въ своемъ подозрѣніи.

Графиня при дня была къ нему чрезвычайно внимательна. Своею заботливостью, крепостью и ласкою, она, казалось, хотѣла испробить изъ

его памяти все имъ претерпѣнное. Она очаровала его.

Въ преній день вечеромъ, не смотря на все усилія Графини, черты ея выражали безпокойство; подойдя къ письменному столу, она сняла съ себя носимую передъ Шабромъ веселую маску, подобно актрисѣ, которая, послѣ упоминательнаго пятаго акта, падаетъ полмертвою и кажется непохожею на самое себя.

Она схватила недописанное письмо и окончила его.

Графъ Ферранъ, имѣя значительное состояніе, взялъ къ себѣ, для управленія дѣлами, разорившагося Адвоката Дельбека, чловѣка ловкаго, удивительно хорошо знавшаго все ябедническіе крючки, и до чрезвычайности смѣливаго. Записной плутъ понималъ свое положеніе при Графѣ,

и для собственной выгоды оплочно велъ его дѣла. Онъ надѣялся посредствомъ своего покровителя добиться почетнаго мѣстечка, и настоящимъ поведеніемъ такъ прикрывалъ старые грѣхи, что его считали даже невинно оклеветаннымъ. Но Графиня, по тонкости, свойственной женщинамъ, постигла его, и строго за нимъ наблюдала.

Она умѣла съ нимъ обходиться, и не разъ пользовалась его совѣтами. Написанное ею письмо адресовано было къ нему, и заключало въ себѣ порученіе сходить тайно къ Г. Дервилю, и, съ именемъ выпросивъ акты Полковника Шабера, списать ихъ со всюю точностію, а потомъ прѣхать на ея дачу въ Грослей.

Едва кончивъ письмо, Графиня услышала по корридору шаги Полков-

ника, шедшаго къ ней съ безпокойствомъ.

— «Ахъ,» воскликнула она: «я бы желала умереть! учасшь моя ужасна...»

— «Что съ вами?»

«Такъ, ничего,» отвѣчала она, и, выйдя въ другую комнату, послала съ служанкой къ Дельбеку письмо, приказавъ, по прочтеніи, принесть его назадъ.

Графиня съла въ саду такимъ образомъ, что Полковникъ поипчасъ ее увидѣлъ.

«Розина!» сказалъ онъ: «вы огорчены чѣмъ-то?»

Она молчала.

Вечерь былъ тихъ, величественъ; чистый воздухъ вѣялъ свѣжестью; кругомъ царствовало совершенное безмолвіе, которое лишь из-

рѣдка прерывалось въ углубленіи парка дѣтскими голосами, придававшими какою-то прелесть изяществу мѣстной картины.

— «Вы мнѣ не опвѣчаете,» сказалъ Полковникъ.

— «Мой мужъ . . .» произнесла Графиня.

Она оспановилась, и покраснѣвъ, спросила:

— «Какъ должна я называть Г. Феррана, говоря о немъ?»

— «Называй его своимъ мужемъ, другъ мой,» опвѣчалъ Полковникъ съ неизъяснимою добропою: «вѣдь онъ отецъ твоихъ дѣтей.»

Заслуженный воинъ вздохнулъ.

«Г. Ферранъ» продолжала она «спрашиваешь меня, зачѣмъ я здѣсь . . . и что скажу ему, когда до него дой-

депъ , что у меня живешъ поспоронній. . .

— «Послушайте,» прибавила вдругъ Графиня съ важностію: «рѣшите мою участь; я на все готова. . .»

— «Другъ мой!» сказалъ Полковникъ, схвативъ руки жены своей: «я рѣшился совершенно пожертвовать собою для твоего счастья. . .»

— «Это невозможно!» вскричала она въ судорожномъ движеніи: «погда вамъ надобно бѣ было опречься опъ самого себя и *формальными обра- зомъ. . .*»

— «Какъ? моего слова вамъ недостапочно?»

Эта сцена представляла нѣчто торжественное , и въ глубинѣ обѣихъ душъ происходила самая ужасная драма, какую только можно вообразить себѣ.

Слова: *формальнымъ образомъ*, легли на сердце спарика и невольно пробудили подозрѣнія. Онъ устремилъ на жену спокойный, благородный взглядъ, приведшій ее въ краску и заспавившій пошупить взоры. Полковникъ боялся, что принужденъ будетъ презирать ее, — тогда какъ Графиня-превожилась тѣмъ, что раздражила скромность и строгую честность Шабера, великодушный характеръ и добродѣтели котораго она хорошо знала. Эти мысли, только что въ нихъ зараждавшіяся, омрачали ихъ лица.

Впрочемъ скоро возстановилось между ними прежнее согласіе. Вдали раздался дѣтскій крикъ.

» Юлій! не пронь сестры... » громко сказала Графиня.

» Какъ, и ваши дѣти здѣсь! «

» Да... но я запретила имъ васъ безпоконить. «

Старый воинъ понялъ всю понкосить ея поспупка, всю прелесить стыдливой женской ловкоспи, и взявъ Графиню за руку, сказалъ:

» Позвольте имъ прійти сюда. «

Маленькая дочь прибъжала жаловашься на брата.

«Маменька! «

— » Маменька! »

«Эпо онъ... «

— » Цъпъ, она. «

Дъпти пропянули рученки къ матери, и голоса ихъ слились вмѣстѣ... Эта картина была восхищительна!...

— «Вонъ обезславленные дъпти! они эпого еще не понимаютъ, воскликнула Графиня, удерживая слезы.

— «Вы, что ли, заставляете пла-

кашь маменьку?» сказалъ Юлій , сердито взглянувъ на Полковника.

— «Замолчи!» произнесла Графиня повелительно.

Дѣши смотрѣли съ невыразимымъ любопытствомъ на машь и незнакомца.

— «Да ,» вскричалъ Полковникъ , какъ бы договаривая фразу , мысленно начавшую , «я долженъ опять зарыться въ могилу... я уже рѣшился на то...»

— «Могу ли принять такое пожертвованіе?» сказала Графиня: «положимъ, нѣкоторые умирали для спасенія чести своихъ женъ , но они разъ жертвовали жизнью... а вы хотите умирать ежедневно... нѣтъ ! это невозможно : если бѣ дѣло шло объ одномъ вашемъ существованіи , такъ бы ничего еще ; но опрек-

шись опть своего имени, вы должны будеше каждый часъ говоришь неправду... подумайше... нѣпть, я опвергаю эпо... не будь у меня дѣшей, я бы скрылась съ вами на край свѣта...

— «Но,» возразилъ Шаберь: «развѣ я не могъ бы жнпть здѣсь, хошь въ шой бесѣдкѣ, какъ вашъ родспвенникъ? Я ни на что не гожуь, какъ спарая пушка... мнѣ бы немного табаку, да политическій журналъ...»

Графиня залилась слезами.

Между нею и Графомъ Шаберомъ происходило великодушное бореніе, однако-жъ Графъ оспался побѣдншелемъ.

Вечеромъ, видя свою жену, или лучше сказать, мать въ кругу дѣшей, и обольщенный прогашельною семейною каршиною, на дачѣ, въ ши-

ши, у огонька, онъ рѣшился бытъ мертвымъ и, не опасаясь формальнаго отреченія, спросилъ какъ приступить къ тому, чѣмъ упрочить ея благополучіе.

— «Дѣлайте какъ хошите,» отвѣчала Графиня: «но объявляю вамъ, что я нисколько не буду и не должна въ это вмѣшиваться.»

Дельбекъ пріѣхалъ предъ тѣмъ за нѣсколько дней, и слѣдуя словесному наставленію Графини, успѣлъ въкраспѣся въ довѣренность Полковника; и такъ въ слѣдующее утро оба они оправились въ Сень-Ле-Таверни, гдѣ Дельбекъ приготоовилъ у Ношаріуса актъ въ такихъ послыдныхъ выраженіяхъ, что Шаберъ, прочитавши его, опрометью выбѣжалъ отъ Ношаріуса, крича :

— «Громы небесные! какъ жесто-

ко я обманушъ! .. выдавать меня за самозванца!»

— «Милосливый государь!» сказалъ ему Дельбекъ: «я самъ не со-
вѣшую вамъ подписывать: на вашемъ
мѣснѣ я по крайней мѣрѣ выгадалъ
бы шупъ 10 ш. ливровъ ежегодна-
го дохода..... Графиня не поспо-
ришь...»

Полковникъ бросилъ поражающій
взглядъ на заслуженнаго бездѣльника,
и волнуемый тысячью различныхъ
чувствъ, скрылся, какъ бы получивъ
всю бодрость юноши. Онъ снова
спалъ недоувѣрчивъ, раздраженъ.
Прибѣжавъ въ Грослейскій паркъ
сквозь проломъ обрушившейся стѣ-
ны, сѣлъ подъ кіоскомъ, откуда
видна была дорога въ Сенъ - Ле-
Таверни; пономъ тихими шагами
пробрался къ комнатѣ, сдѣланной

въ искусственномъ утѣсѣ, на коемъ находился кіоскъ; аллея усыпана была мягкимъ, красноватымъ пескомъ, и сидѣвшая въ шой комнатѣ Графиня, лицомъ къ дорогѣ, не слыхала Полковника, шедшаго съ прошивоположной стороны; и могъ ли обратиться ея вниманіе малѣйшій шорохъ, когда она была въ величайшей тревогѣ, занимаясь послѣдствіями своихъ умысловъ. Тотъ также не примѣтилъ надъ собой Графини.

— »Ну, что? подписалъ ли онъ?« спросила она Дельбека, увидя его одного, перепрыгнувшаго черезъ заборъ, подобно волку...

— »Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не знаю, что съ нимъ сдѣлалось! спарая кляча спала на дыбы.«

Полковникъ, ощутивъ въ себѣ всю силу, перескочилъ въ одно мгновеніе

ровъ, опдѣлявшій его опть достойнаго Адвокапа , и вѣпилъ ему двѣ полновѣсныя пощечины, какія когда либо доставались его брашнн.

— »Прибавъ же, чпо старыя клячи умбюптъ и брыкашьяся, « сказалъ Графъ. Между шѣмъ гнѣвъ его поушихъ , и онъ не могъ уже возврашьяся прежней дорогой, а долженъ былъ ипши къ кіоску чрезъ воропа парка, и наконецъ вошелъ въ бесѣдку, въ копорой зеркальныя стекла предсавляли пѣвшншельныя окрестности долины. Графиня сидѣла на спугѣ, сохраняя совершенное спокойствіе, такъ, чпо по физіономн нельзя было проникнуть ея мыслей. Она ушнрала глаза , какъ будто бы послѣ слезъ , и разсѣянно верпѣла длинную розовую ленту, бывшую на ея бѣломъ плашьѣ въ видѣ пояса....

Не смотря однако-жъ на всю увѣренность въ себѣ, она содрогнулась, видя, праводушнаго воина, споявшаго предъ нею со сложенными руками и спрогимъ челомъ.

— » Сударыня! . . . « сказалъ онъ, быспро посмотрѣвъ на нее съ минушу, и принудивъ ее покраснѣшь : «я не обременяю васъ прокляпїемъ но презираю ! . . . я весьма радъ, что случай насъ разводитъ . . . и даже не имѣю желанїя мспїшь вамъ, потому что не люблю васъ . . . ничего не хочу опъ васъ . . . ваши дѣти не будутъ преданы позору . . . живите спокойно, положась на мое честное слово : оно свяпѣ маранья всѣхъ вашихъ законниковъ . . . не спану хлопощань о своемъ имени, которое я, можешъ бышь, покрылъ славою; я не Графъ Шаберь, а про-

спо бѣднякъ Гіацинтъ, буду искашь
 только мѣста... гдѣ бѣ было солнце...
 и жить воспоминаніями... прощай-
 те!..»

Графиня бросилась къ ногамъ Полковника и хотѣла было удержашь его за руки, но онъ отпихнулъ ее съ отвращеніемъ, сказавъ:

»Оставьше меня,«

Графиня сдѣлала неизъяснимый жестъ, слыша, что мужъ ея уходитъ, но по глубокой дальновидности, происпекающей изъ величайшаго злодѣйства и лютаго эгоизма, воображала, что спокойно проживешть вѣкъ по обѣщанію Полковника.

Шаберь въ самомъ дѣлѣ скрылся, и долго ни Графиня, ни Дервиль не знали, куда онъ дѣвался; скопникъ обанкрутился и пошелъ въ кучера; можешъ бышь, и Полковникъ, до-

вольснвываясь малымъ, избралъ какую нибудь въ эпомъ родъ промышленноснъ, или, подобно камню, брошенному въ пучины, попадалъ изъ волны въ волну, чпобъ погибнуть въ безднѣ нищеты. . . .

Спустиа шесть мѣсяцевъ, Дервиль, ен слыша о Полковникѣ и о Графинѣ Ферранѣ, думалъ, чпо они разошлись полюбовно, и чпо Графиня изъ месни велѣла загошовишь сдѣлку въ другой конпорѣ. И такъ, однажды упромъ, сосчитавши, сколько выдано имъ денегъ называвшемуся Графомъ Шаберомъ, и сколько истрачено на полученіе акновъ изъ Германіи, написалъ вѣжливое письмо къ его женѣ, съ просьбою выпребовать ошъ Г. Шабера всю издержанную на него сумму. . . .

На другой день онъ получилъ ош-

звивъ опть прежняго собрата, копорый, до оптьзда своего изъ должности управителя Графа Феррана въ Б.Президенномъ Уголовнаго Суда первой инстанціи, опвѣчалъ слѣдующее:

»Ея Сіятельство Графиня Ферранъ поручила мнѣ увѣдомить васъ, что кліентъ вашъ совершенно во зло употребилъ вашу къ нему довѣренность, и что назвавшій себя Полковникомъ Графомъ Шаберомъ, самъ сознался въ несправедливомъ подмогѣ по извѣстному вамъ дѣлу.

Имѣю честь бытъ . . . и проч.

Дельбекъ. «

— »Право мы иногда не умнѣе скошовъ! . . . вскричалъ Дервиль. » Будь послѣ этого великодушень, человеклюбивъ. . . . Это дѣло Богъ знаетъ, чего мнѣ стоило. «

По прошествіи года, Дервиль, опы-

скивая знакомаго Адвоката въ Полицейской Канцеляріи, вошелъ въ камеру, когда Президентъ дѣлалъ приговоръ о двухъ-мѣсячномъ арестованіи, за бродяжничество, старика, по имени Гіацинта, и объ отсылкѣ за шѣмъ въ запасное депо нищихъ... приговоръ, который, по исполкованію блюстителей полиціи, равнялся вѣчному започенію.

При имени Гіацинта, Дервиль, посмотрѣвъ на преступника, сидѣвшаго между двухъ жандармовъ на скамейкѣ подсудимыхъ, узналъ своего мнимаго Полковника Шабера.

Старый солдатъ былъ тихъ, неподвиженъ, почти въ помѣшательствѣ, но при всѣхъ рубищахъ и оппечашкѣ крайности на лицѣ его, оно сіяло благородною гордостью, а взглядъ обличалъ въ немъ философ-

скую твердость, чего, казалось, нельзя бы не проникнуть судьямъ ; но въ глазахъ ихъ люди дѣлающія юридическими вопросами, какъ у Спаписниковъ единицами.

Когда Полковникъ опведенъ былъ въ арестантскую для отсылки попомъ по назначенію съ вапагою бродягъ, подлежащихъ еще суду, Дервиль, по праву Адвоката, вышелъ за своимъ знакомцемъ, и нѣсколько времени смотрѣлъ на него, окруженнаго чудными лицами.

Тупъ представлялось зрѣлище, возобновлявшееся ежедневно, но непосѣщаемое ни законодателями, ни филантропами, ни живописцами, ни липераторами. Арестантская, какъ и всѣ лабораторіи каверзъ, была мрачная, смрадная комната, обставленная деревянными скамейками, почер-

нѣвшими опъ безпрерывнаго сидѣнья несчастныхъ , кои изъ бездны золь сходились рано или поздно на временное свиданіе ! . . . Поэтъ сказалъ бы , что свѣтъ спыдился озаряшь сей ужасный стокъ нечистошы , чрезъ кошорый переправлялось столько злополучныхъ ; здѣсь не было мѣста , гдѣ бы не сидѣло воплощенное пресупленіе куда бы не попадался человѣкъ , обезславленный первымъ наказаніемъ и оканчивавшій поприще на эшафотѣ всѣ падающіе на улицахъ , вспаюшь здѣсь на ноги Одинъ видъ закопгѣлыхъ спѣнь объясняетъ уже причины многочисленныхъ самоубійствъ ; словомъ , эша комната есть , такъ сказано ; вспупленіе къ площадямъ казни или выпавкѣ ушопленниковъ .

Полковникъ Шаберь сидѣлъ въ кругу людей, съ рѣзкими физіономіями, одѣтыхъ въ ужасную ливрею нищенскаго, по молчавшихъ, по разговаривавшихъ пошхоньку, попому что мимо ихъ расхаживали жандармы, спуща объ полъ саблями.

— «Узнаете ли вы меня?» спросилъ Дервиль, подойдя къ нему.

— «Да, милостивый государь!» отвѣчалъ Шаберь, поднявшись.

«Если вы человекъ честный,» продолжалъ Дервиль тихимъ голосомъ: «но какъ могли осмѣяться въ долгу у меня? . . .»

Полковникъ покраснѣлъ, подобно молодой дѣвушкѣ, обвиняемой матерью въ пайной любви. . .

— «Какъ! Г-жа Ферранъ вамъ не заплашила? . . .» вскричалъ онъ.

«Заплашила!...» она писала ко мнѣ, что вы лжець...

Полковникъ поднялъ глаза, какъ бы призывая Небо, съ возвышеннымъ чувствомъ ужаса, опчаянія и упрека.

— «Милостивый государь!» сказалъ онъ спокойно, пересиливъ душевное волненіе, «выпросите мнѣ у жандармовъ позволеніе войти въ Канцелярію; я вамъ дамъ бумагу, по копорой вы будете удовлетворены.»

Дервилю стоило сказать одно слово, чтобъ вывести своего кліента въ Канцелярію. Гіацинтъ написалъ нѣсколько строчекъ, и запечатавъ записку, адресовалъ ее на имя Графини Ферранъ.

— «Опошлите это, и съ вами расплачутся... Повѣрьте,» прибавилъ онъ послѣ минушнаго молчанія: «если я не засвидѣтельствовалъ вамъ дол-

жной признапельности за ваше доброе участіе и расположеніе, по шѣмъ не менѣе ее чувствую.»

Спарикъ положилъ руку на сердце. — «Благодарность шущъ... во всей полношѣ и силѣ... Но чѣмъ несчастные могутъ доказать ее?»

—«Неужшо ,» спросилъ Дервиль : »вы ничего не выговорили въ свою пользу ?

—«Ахъ, не напоминайте мнѣ!» отвѣчалъ Полковникъ; «сжели бѣ вы знали все презрѣніе мое къ жизни, ко порою шакъ дорожитъ большая часть людей!... Когда подумаю, что Наполеонъ на островѣ Елены, а я скишаюсь по Парижу, и не могу быть солдатомъ... вопіъ мое несчастіе!...»

Полковникъ пошелъ на свою скамейку. Дервиль удалился. Потомъ послалъ Шаберово письмо къ Графинѣ

Ферранъ, которая, прочитавъ его, немедленно уплашила весь долгъ Дервилю.

Въ половинѣ Іюля 1830 года шелъ я за городъ съ однимъ Адвокатомъ. При входѣ въ аллею, ведущую на большую дорогу къ Дому Призрѣнія Убогихъ, увидѣли мы подъ вязомъ сѣдаго, изможденнаго спарика съ фельдмаршальскимъ жезломъ нищихъ.

Эпоштъ несчастный, одинъ изъ числа 2 п., помѣщавшихся въ домъ Призрѣнія Убогихъ, сидя на пнѣ, казалось, все свое вниманіе устремлялъ на сушеніе передъ солнцемъ замараннаго въ шабакъ плашка, вѣроятно для того, чшобъ не мышь его: весьма обыкновенное занятіе между инвалидами.

Физиономія спарика была привлекательна; онъ былъ въ красномъ

кафтанъ , какіе вообще даются подобнымъ ему гостямъ . . . ливрея, возбуждающая ужасъ ! . . .

«Посмотри , Дервиль , . . .» сказалъ я поварищу . . .» не похожъ ли эпопъ старикъ на кандиперскую шоколадную фигуру ? . . . и при всемъ томъ живетъ , даже, можетъ быть , считаешь себя счастливымъ ! . . .»

Дервиль, посмотрѣвъ въ лорнетъ, съ видомъ удивленія воскликнулъ:

— «О, это цѣлая Поэма!»

Мы пошли скоро . . .

— «Ты знаешь Графиню Ферранъ?» спросилъ попомъ Дервиль.

«Да , она очень пріятная , умная дама . . .»

— «А эпопъ бѣднякъ—ея законный мужъ . . . Графъ Шаберъ, заслуженный Полковникъ . . . Завладѣвъ принадлежащимъ ему домомъ, она, безъ со-

мнѣнія , помѣстила его сюда за то, что онъ напомнилъ ей нѣкоторыя ея недоспашки и прежнее званіе горничной; я былъ свидѣтелемъ, какъ звѣрски она тогда на него глядѣла. . . . »

Дервиль, замѣтивъ мое любопытство , разсказалъ предшесствующую повѣсть съ множесствомъ подробностей и искуствомъ, которое для меня было не бесполезно.

На обратномъ пути я предложилъ Дервилю зайти къ Полковнику Шаберу. . . .

Мы шли аллеей , и на половинѣ дороги встрѣтили его опять сидящаго на пнѣ . Несчастный , держа въ рукѣ палку, чертилъ ею песокъ.

«Здравствуйте , Графъ Шаберъ!» сказалъ ему Дервиль.

— «Я просто Гіациншъ,» отвѣчалъ старикъ, «живу въ седьмой палатѣ подь № 164...» Онъ посмотрѣлъ на Дервиля съ боязливымъ уныніемъ, съ робостію старика и ребенка.

— «Вы видите осужденнаго на смерть... онъ не женатъ,» проговорилъ Шаберь послѣ минутнаго молчанія.

— «Жалкій человекъ!» сказалъ Дервиль. «Не хопите ли денегъ на табакъ?»

Полковникъ жадно просянулъ руку съ дѣтскою искренностію.

Мы оба дали ему по спа су, и онъ, благодаря насъ безсмысленнымъ взглядомъ, закричалъ:

«Храбрые воины!...» Попомъ высянулся, прицѣлился въ насъ, и съ улыбкой scomандовавъ: *пали!* описалъ

палкой по воздуху фантастическій арабскъ.

«Онъ опъ раны впаль въ дѣшство,» сказалъ Дервиль.

— «Кшо въ дѣшство!» возразилъ другой нищій, обративъ на насъ взоры. — «О, было время, что онъ не давалъ наступать себѣ на ногу, былъ человекъ глубокомысленный, съ воображеніемъ, а теперь . . . держишь постъ по Понедѣльникамъ. Вошь въ 1818 году онъ гулялъ здѣсь же; къ нему подходитъ какой-то офицеръ, коляска его ѣхала поодаль . . . мы были вдвоемъ . . . Гіациншъ, да я . . . офицеръ разговаривалъ съ кѣмъ-то, и увидавъ старика, сказалъ: онъ вѣрно былъ подъ Росбахомъ . . .» Нѣшъ, отвѣчалъ Гіациншъ: для этого я былъ очень молодъ, и слишкомъ спаръ, чшобъ бытъ подъ Іеною . . . «Офицеръ пошелъ

своей дорогой, и ужъ больше его не спрашивалъ. . . .

— «Какая учаспъ ! Вышелъ изъ Воспитательнаго Дома , и долженъ умереть въ Домъ Призрѣнія Убогихъ, помогавши Наполеону завоевывать Египецъ и Европу!

Н Е Л Л И.

I.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Виндзора, на оплогоспи высокаго холма, стоить Замокъ Лорда Джерсона. Тамъ господствуетъ величайшій порядокъ; мызы и разныя заведенія служатъ украшеніемъ окрестностей, и вмѣстѣ приносятъ существенную пользу; съ перваго взгляда вы видите одну роскошь, но разсмотрѣвъ ближе, найдете, что шусь все устроено съ хозяйственной цѣлью. Строгость Англійскихъ нра-

вовъ смягчается проспошою и добро-сердечіемъ владѣльца: его радушье, при високомъ достоинствѣ сана, и рѣдкая искренность, дающъ вамъ у него въ домѣ полную свободу, а незыскапельность прѣбуешъ того жъ и опъ васъ.

Въ замкѣ, по случаю прѣзда изъ Лондона, на нѣкоторое время Сира Артура Блеминга и Клары, его сеспры, родственниковъ Лорда Джерсона, былъ семейственный праздникъ. Тогда наступало лѣто. Вазы наполнены были цвѣтами, нарванными въ паркѣ; балконъ украшали померанцовыя, лимонныя, лавровыя деревья, и разныя растенія; изъ оконъ видѣнь былъ обширный ландшафтъ, перестѣкаемый Темзою, и представлявшій картину природы во всей красшѣ ея.

Дамы, возвратившись съ прогулки, взяли свое шипсъ. Леди Джерсонъ сѣла въ кресла, кошорыя были покойнѣе, больше и красивѣе другихъ, какъ президентское мѣсно. Блемингъ чиналъ журналъ, а въ углу залы Лордъ Джерсонъ распечатывалъ и пробѣгалъ письма.

Общее малчаніе прерывалось только изрѣдка отрывистымъ разговоромъ.

«О! сказалъ Блемингъ, Генераль Мина уже въ Лондонѣ.

—«Онъ славно велъ военныя дѣла въ горахъ Капалоніи; если бы также дрались всѣ Испанцы, то давно наспало бы желанное спокойствіе въ прекрасной странѣ, гдѣ мы были вмѣстѣ, милая Фанни.»

Леди Джерсонъ, обратившись къ

мужу съ выразительною улыбкою , сказала: «да, мой другъ.»

—«Возможно ли!»—вскричалъ Лордъ Джерсонъ съ необыкновенною живостью: «къ намъ скоро будешь сынъ нашего стараго друга, Графъ Жуанишо де Мельфоро.»

«Онъ былъ еще ребенкомъ, когда мы его видѣли въ Мадридѣ.»

— «Старый Графъ давно уже умеръ, но я радъ , что могу принять по крайней мѣрѣ его сына. Помнишь ли ты его? онъ былъ упрямое и гордое, но вмѣстѣ милое и лаковое дитя. Я какъ будто теперь вижу его кудрявую голову, длинные черные волосы и огненные глаза; онъ уже и тогда подавалъ о себѣ большія надежды, которыя почто сбылись на самомъ дѣлѣ.»

— «Онъ смертельно былъ раненъ, сказала Клара, и все еще боленъ.»

— «Такъ вы его знаете?»

— «Мы его видали нѣсколько разъ,» оповѣчалъ Сиръ Блемингъ, съ глупымъ щеславіемъ, «но я не зналъ, что онъ будетъ сюда. Графъ прекрасный человекъ, оплично принявъ въ хорошемъ кругу. О, мы друзья; у него чудесныя лошади.»

— «Для меня онъ перевелъ прелестный романсъ. . .

» Который ты пѣла такъ очаровательно. Я не имѣю привычки льстить себѣ; но по чеспи сказаешь, при твоёмъ голосѣ, эпошь романсъ всякаго приведетъ въ восхищеніе.»

Старшая дочь Джерсона, Нелли, подняла голову. А сестра ея, Арабелла, дѣвица лѣтъ семнадцати, спро-

сила: вы помните слова этого романа?

— »Не думаю, чтобъ я его забыла.

» Увидимъ, сказалъ Лордъ, заирая въ портфель письма.

Клара съѣла за фортепіано. Романсъ, переведенный Графомъ Мельфоромъ, былъ изъ числа тѣхъ спрашанныхъ романсовъ, которые нѣкогда пѣвали Испанцы въ полголоса, подъ балконами Гренады и Севиллы, между тѣмъ какъ бѣлая ручка приподнимая рѣшешку, бросала изъ-за нее цвѣты, а изъ очаровательныхъ устъ вылетали нѣжныя слова любви. Испанскій романсъ перялъ много въ переводѣ на Англійскій языкъ, но при всемъ томъ его можно было сравнить съ Гренадскою розою, перенесенною въ другой климатъ, но все еще благоуханною.

Послѣ трудныхъ прелюдій, Клара перешла къ простымъ шонамъ, составляющимъ оплотивительный признакъ истиннаго чувства. Опъ воспоминаній, или опъ производимаго впечатлѣнія музыкою, она процѣла хорошо, съ большою пріятностію.

Леди Джерсонъ нахмурила брови, видя, что Нелли, шронупая гармоніей, склонила свою прелестную голову на шипье и неподвижно держала иголку.

Когда романсъ былъ оконченъ, при рукоплесканіяхъ Лорда Джерсона и Блеминга, Нелли стала продолжашь свою работу, но едва переводила духъ. Нѣжная мать, поцѣловавъ ее, и лаская, какъ больную, сказала: Нелли, добрая моя Нелли, сядь за фортепiano и поиграй для меня.

Она знала, что музыка всегда ее облегчаешь.

Нелли играла фантазіи необыкновенныя, прогающія душу,—и воспламеняя другихъ, сама приходила въ восторгъ. Мелодическіе звуки какъ бы говорили сердцу. Блемингъ слушалъ съ восхищеніемъ. Она увлекалась болѣе и болѣе, какъ вдругъ дверь отворилась.

Вошедшій молодой человекъ сдѣлалъ лакею знакъ, чтобы онъ молчалъ, но пошъ доложилъ: «Графъ Мельфоро.»

II.

Я чрезвычайно сожалею, сказалъ Графъ, подходя къ Нелли, что прервалъ восхищительную вашу музыку.

Нелли поклонившись ему, сѣла на прежнее мѣсто. Всѣ прочіе стояли. Лордъ Джерсонъ дружески обнялъ молодаго Испанца; Блемингъ подаль ему руку.

Въ чертахъ Графа Мельфора представлялась смѣсь женской нѣжности и геройской смѣлости, что отражалось въ самыхъ его чувствахъ. Въ залѣ онъ не могъ обонять сильнаго запаха цвѣповъ, а на бивакѣ переносилъ всѣ трудности, смѣялся подъ свистомъ пуль, сыпалъ на соломѣ и пилался чернымъ хлѣбомъ. Онъ былъ спроченъ, смуглъ, но пріятной, выразительной физиономіи, ловокъ въ обращеніи, пылокъ въ разговорѣ, какъ южный жипель, съ пламеннымъ воображеніемъ и неугаснувшими еще пищическими мѣчпами юности. Черные волосы въ кудряхъ упали на блѣдное лице. Важная поспупь, благородная гордость, развязность въ жестахъ, показывали въ немъ человека, выходящаго изъ обыкновеннаго круга.

И рядомъ съ нимъ вершѣлся Бле-
мингъ, денди, разряженный по по-
слѣдней модѣ, пуспословъ, сбирашель
чужихъ оспрошъ и анекдотовъ, не-
сносный своею приторною изыскан-
ностію.

Одушевительная мелодія, слышан-
ная Графомъ при его входѣ, наспро-
ила, такъ сказашъ, и его мысли въ
помъ же помъ.

Онъ припомнилъ, что въ дѣтствѣ
видѣлъ Лорда Джерсона и его су-
пругу въ замкѣ своего опца, и быв-
шіе въ то время разные случаи, опи-
сывая ихъ цвѣтиспыми, живыми кра-
сками. Всѣ его слушали съ удоволь-
ствіемъ, въ особенноти же Нелли,
заняшя, по видимому, своимъ шипъ-
емъ и равнодушная къ его разговору.

Видали ли вы порпирепы Лаврен-
са? Восхищались ли плѣнительною

задумчивостью лицъ, изображенныхъ его кистью? Соспрадали ли напечатлѣнной на нихъ скорби, получая невольное желаніе, чѣтобъ они, оживившись предъ вами, сказали причину ихъ уныніа, и не искали ли олицетворенныхъ идеаловъ знаменитаго художника? Нѣжность въ чертахъ, спраждащій видъ — опблескъ внутреннихъ потрясеній души, очаровательная скромность, сила сокровенныхъ чувствъ — все это соединено было въ Нелли Джерсонъ.

Графъ, оставивъ безъ вниманія Клару, заманивавшую его въ свои сѣти, хотѣлъ блеснуть передъ Нелли за ея одно слово, одинъ взглядъ, одну улыбку. Но она молчала, не смотрѣла, не улыбалась.

Лордъ Джерсонъ началъ разспрашивать Графа о Капалонской кам-

паніи и о встрѣченнѣхъ имъ опасностяхъ. Чѣмобъ обратитъ на себя вниманіе прелестной скромницы, Мельфоро съ жаромъ описывалъ горную войну, сраженія среди водопадовъ, грозныя скалы, облака, громы, хищныхъ птицъ и жадныхъ волковъ; рассказывалъ, какъ онъ былъ раненъ въ голову, и опамятовавшись ночью, на полѣ бившвы, спасался чрезъ рвы и пропасти. Разсказъ его кипѣлъ жизнью.

Нелли молчала, но спала шипъ скорѣе, и только разъ взглянула на слѣды раны, оставшіеся на лбу Графа.

Всѣ, кромѣ Нелли, принимали въ немъ явное участіе. Потомъ пошли въ садъ. Нелли взяла подъ руку Леди Джерсонъ.

— Она слушала, сказалъ Блемингъ

Графу, но не могла ничего говорить, потому что она нѣмая.

Несчастливая вдругъ покраснѣла. Графъ содрогнулся и остановилъ на ней кропкій нѣжный взглядъ, заставившій ее пошептать взоры.

III.

Графъ Мельфоро ходилъ по широкой аллеѣ парка съ поникшею головою, и казался равнодушнымъ къ разнообразнымъ видамъ, которые показывалъ ему Лордъ Джерсонъ. Около мрачнаго Испанца вилась рѣзвая Клара, шедшая подъ руку съ братомъ.

Арабелла шла съ опцемъ, а бѣдная Нелли за нимъ съ своею внимательною матерью.

«Тебѣ холодно,» сказала Леди Джерсонъ, почувшовавъ трепеть руки обожаемой ею дочери.

Нели сдѣлала оприцашельный знакъ. Для кого, думала она, испощаль онъ шакъ свое воображеніе? для кого былъ шакъ любезень? — Была ли она счастлива опть принятаго имъ въ ней учаспія, и почему ей шакъ дорого цѣнишь его?

Первыя ощущенія подобны прозрачнымъ парамъ, которые сгущающся, поднимаясь съ восхожденіемъ солнца; оно ихъ превращаетъ въ росу или колеблеть въ видѣ облаковъ, и закрывается ими, а при благопріятной погодѣ ихъ грѣеть и разсѣиваетъ. Любовь не есть ли солнце души?

Любовь — не страсть, уничтожаемая поцѣлуемъ — а шо возвышенное чувство, которое наполняетъ сердца нѣжностью, соединяетъ мысли, производитъ въ насъ пошрясенія, отпра-

жаётся огнёмъ во взорахъ и удваиваетъ радости, какъ и печали.

Нелли сдѣлалась живѣе, говорливѣе посредствомъ знаковъ. Она приблизилась къ Графу, когда тотъ говорилъ съ Лордомъ Джерсономъ и Блемингомъ. Арабелла и Клара бросали въ прудъ хлѣбъ лебедямъ. Графъ, остановившись, онаясь одушевился было въ разговоръ, но увидя Нелли, замолчалъ.

Она слышала только послѣднія его слова: »О, Милордъ, вы не знаете всей силы души!«

IV.

По большой части люди говорятъ одно, а чувствуютъ совсѣмъ другое. Опытъ искусства наблюдателя зависить отъ отличить настоящій ходъ мыслей за фейерверкомъ словъ, болѣе

или менѣе блестящимъ; у иныхъ же, копорыхъ впрочемъ весьма не много, мысль вылепаетъ вмѣстѣ съ словами. Но эта поспѣшность бываетъ совершенною гибелью въ свѣтѣ, прикрытомъ личиною ушонченнаго притворства.

Немги говоришь не могла, но лице ея выражало ясно всѣ ощущенія.

Она не знала, что искренность опасна для женщины въ обществѣ, скованномъ приличіями. Удаленная отъ свѣта и читавшая только назидательныя книги, утѣшительницы въ несчастіи, она жила въ самой себѣ, и до сихъ поръ чужда была сердечныхъ горестей. Нѣмота скопляла въ ней сокровища любви, ни передъ кѣмъ нераспочаемыя. Но спроси возрастающъ въ уединеніи и зародышъ ихъ, если онъ проникъ

въ сердце, долженъ рано или поздно развернуться, взлетѣянный печалю и слезами.

Нелли была невнимательна къ условленнымъ знакамъ, копорыми съ ней объяснялись, предалась задумчивости, и стараніе мапери развлечь ее было тщетно. Она уподоблялась не во-время разбуженному дитяши, копорое, послѣ бесполезныхъ усилій, опять склоняетъ голову на мягкую подушку.

Жуанипо, восхищаемый мыслью, что въ изгнаніи нашелъ какъ бы родной домъ, во всемъ сообразовался съ Англійскими нравами: ходилъ на мызы, охотился съ Блемингомъ и Лордомъ Джерсономъ, ѣздилъ верхомъ въ окрестностяхъ Виндзора, — но это время исключалось изъ жизни Нелли. При немъ она могла, по

крайней мѣрѣ, его слушать; иногда, хопя съ робостью, гладѣшь на него, и отвѣчаешь на его слова знаками, кошорые уже и онѣ привыкъ понимать; но Клара и Блемингъ спарались прерывать разговоръ ихъ. Тогда Нелли садилась за фортепiano. Наспавало молчаніе, и гармоническая музыка всегда согласовалась съ душою Графа. Нелли импровизировала фантазіи обыкновенно въ порывахъ грусти, чшобъ разогнать ея, и потому, скоро ушомляясь игрою, выходила на балконъ, опкуда печально смотрѣла на Природу.

Однажды вечеромъ чистый воздухъ и благошворная шеплопа пробудили въ Графѣ воспоминанія объ опечесствѣ; онѣ началъ его описывать, какъ любовникъ опсущспвующую, но обожаемую любовницу. Изъ волнующей-

ся груди его вырвался цѣлый гимнъ ; глаза его какъ будто сверкали молніей. Но мечты о родицѣ управляли мысль объ изгнаніи.... Онъ сдѣлался мраченъ , дыханіе его спановилось тяжелѣе. Нелли, чпобъ скрѣпить свое волненіе , обратилась къ балкону, и когда Графъ замолчалъ, сѣла за фортепіано и опперла ихъ чрезвычайно тихо , боясь прервать задумчивость Графа. Она хотѣла музыкой продолжитъ его очарованіе, слѣдовашъ за полетомъ его идей и говоритъ съ нимъ языкомъ, усвоеннымъ ею. Нелли начала играть любимый его романсъ... Графъ съ пререпомъ слушаетъ милые звуки, на мгновеніе возвращающіе ему родныя поля и долины, усѣлнныя благоухающими померанцами. Ея мелодія, то проникаетъ въ глубину его души, то при-

водипгъ въ содроганіе все пѣло, то
воспламеняешъ взоры. Онъ вспалъ, и
облокопясь на форшепіано, за-
пѣлъ. Нелли акомпанировала такъ
вѣрно, что слова и музыка сливались
въ одну гармонію; казалось, двѣ страж-
дущія души соединились вмѣстѣ.

Солнце скрылось, и видѣнъ былъ
только послѣдній отблескъ лу-
чей, отражавшійся на кропкомъ ли-
цѣ Нелли. Въ залѣ всѣ сидѣли без-
молвно, обвороженные прелестною
музыкой. Романсъ вылетѣлъ изъ устъ
Испанца, какъ вздохъ,—но Нелли про-
должала свои очаровательныя вари-
аціи, переходя изъ шоновъ тихихъ
въ громкіе, по мѣрѣ усиливавшагося
въ ней вдохновенія. Она чувствовала
пошребность открытъ свою душу,
хотя неопредѣлительность му-
зыкальнаго выраженія ее не удовле-

пворяла: она не могла изъяснить всѣхъ чувствъ своихъ, а любовь хопѣла бы все заключить въ одномъ словѣ, въ одномъ поцѣлуѣ. Эша борьба изнурила юную душу, возвышенную любовью до геніальности. Другіе въ музыкѣ ея слышали одни звуки, но для Жуавишо, принимавшаго все къ себѣ близко, эшо былъ упоительный, чистый языкъ неземной любви; его сердце трепетало, вырывалось изъ груди. Наконецъ, боясь уже слишкомъ обнаружить себя, Нелли остановилась; успалыя руки опустились на клавиши, и піищическая фантазія кончилась неудачно.

»Превосходно, божественно!« сказалъ Блемингъ: «но вы кончили не въ шомъ шонѣ.»

— Да, очень смѣлымъ переходомъ, прибавила Клара, съ явною досадою.

Леди Джерсонъ, подбѣжавъ къ дочери, безмолвно поцѣловала ее въ голову, съ соспраданіемъ мащери, которая съ боязнью понимаетъ сокровенныя спраспи. Любовь увеличила бы только несчастіе Нелли. Но она, не заботясь о будущемъ, довольствовалась настоящимъ, понявъ произведенное ею на Графа впечатлѣніе.

Недостатокъ одного органа вознаграждается болышею силою въ другихъ и расширеніемъ умственныхъ способностей, даже самой способности любить, столь усладительной, хотя сопровождаемой слезами и мученіями. Она доступна однимъ возвышеннымъ душамъ; но пріятности ея такъ обильны, что и тогда, кто не обладаетъ ею, изучиваетъ ее, какъ роль, необходимую въ жизни.

Нелли спала очень мало, и на дру-

гой день вышла въ залу часомъ ранѣе обыкновеннаго, сѣла на помъ мѣспѣ, гдѣ споялъ Жуанито, и съ упоеніемъ вспоминала минувшій вечеръ. Вдругъ слышались ей на балконѣ шаги... могла ли она обмануться въ предчувствіи? Это Графъ Мельфоро; она хочетъ уйти; но умоляющій его видъ заставлялъ ее остаться, и она опять сѣла.

— Вчерашняя ваша музыка обличала въ васъ истинное вдохновеніе... Она исполнена была родной мнѣ гармоніи, и до сихъ поръ очаровываетъ меня... Что же могло вамъ внушить ее?... развѣ состраданіе къ изгнаннику? Но что я спрашиваю!.. вы говорить не можете... напишите мнѣ...» Онъ поставилъ передъ ней чернильницу, положилъ бумагу и перо. Немли беретъ его и пишетъ... » Что вы у меня спрашиваете? «

» Имѣете ли вы состраданіе къ изгнаннику?»

— Состраданіе? ... нѣтъ!.. будто вы въ немъ нуждаешесь?

» Сердце мое чувствуетъ потребность взаимности нѣжной любви, которая бы замѣняла мнѣ всѣ потери и даже болѣе...

— Перестаньте, Графъ... на это я не буду отвѣчать вамъ..

» Опъ чего же...?

— Здѣсь нѣтъ мапушки...

» Слѣдовательно вы не довѣряете мнѣ?»

— Недовѣрчивость моя не можетъ оскорбить васъ...

» Что жъ я долженъ заключить о вашей музыкѣ, въ которой я видѣлъ не искусство, а порывы особенныхъ ощущеній? ...«

— Этого я не скажу вамъ.

» Какъ ! никогда ? «

— Никогда.

» Но расскажите, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ лишились вы употребленія языка... а голосъ вашъ былъ, безъ сомнѣнія, такъ восхищенъ!

— Извольте... только не смотрите на меня, когда я спану писашь о себѣ.

» Я вамъ повинуюсь. «

— Мнѣ было восемь лѣтъ; я жила въ Глочесперскомъ Графствѣ, въ помѣстьѣ моего опца, вмѣстѣ съ мапушкой, брашомъ Эдуардомъ и сестрой моею, а батюшка оставался въ Лондонѣ, бывши Членомъ Камеры Депушатовъ. Эдуардъ былъ четырехъ лѣтъ, и мы спали въ одной комнатѣ съ нашей гувернанткой. Онъ нѣжно любилъ меня, а я его.

Однажды ночью я проснулась, почувствовавъ нестерпимый жаръ опть перегородки... я едва могла дышать... воздухъ палилъ меня... Въ той споронѣ замка, гдѣ я спала, сдѣлался пожаръ... Я начала кричать. Гувернаншка, въ испугѣ, встаетъ, открываетъ дверь — въ нее валяеть облака дыма, летяеть искры, загорается полъ, занавѣси... Я спую неподвижно... гувернаншка падаетъ въ обморокъ... на дворѣ раздаются голоса... ко мнѣ подбѣгаетъ Эдуардъ и говоритъ: Нелли, спаси меня, я горю! — Пламя вилось по обоямъ, по полу... вездѣ огонь; передо мною какъ будто адъ... Я кладу Эдуарда къ себѣ на шею... иду къ лестницѣ... но вдругъ обваливается огромная печь, я падаю, Эдуардъ упалъ тоже, и покашлялся по горящимъ ступенямъ.... я вижу,

какъ онъ пропягиваетъ ко мнѣ ручки; слышу, какъ онъ кричитъ: Нелли, подойди, спаси меня, милая, добрая моя Нелли!... — Онъ обнявъ огнемъ, уже горитъ, и наконецъ умолкъ. Между тѣмъ меня сильными руками схватываетъ нашъ слуга, Джемсъ, и выноситъ изъ пожара.... Я долго была больна... и съ тѣхъ поръ онъ мѣла.

Графъ читаетъ бѣгло, и съ слезами на глазахъ беретъ Нелли за руку... обхватываетъ стройный станъ ея... Она перелетъ чувства... Мельфоро кладетъ руку на ея сердце, которое бьется скоро... Онъ восхищается ея лицомъ, получившимъ красоту идеальную; но, исполненный уваженія къ ней, не смѣетъ прикоснуться пылающими губами къ свѣжимъ уснамъ ея.... Пришедши въ

себя, она отдаляешь его укоризненнымъ взоромъ, и взявъ перо, пишешь: » оставьте меня.«

» Я не буду удерживать васъ прошивъ воли. «

—Такъ скажите мнѣ, чѣмъ я ушла.

» Нѣтъ, останьтесь, Нелли... «

—Полагаясь на васъ, я остаюсь безъ страха;—но перо выпало изъ ея рукъ. Графъ, въ упоеніи блаженства, подаетъ его ей, и говоритъ :

» Докончи, Нелли, умоляю тебя. «

— Жуанишо! . . Я никогда не выйду замужъ.

Дописавъ,—она убѣжала.

V.

Заведенный въ замкъ образъ жизни понравился бы тому, кто въ жизни ничего болѣе не ищетъ, кромѣ однообразія; но былъ несносенъ для сердець любящихъ и встрѣчающихъ

въ любви препяствія, и вообще скучень для людей, упоминаемыхъ постоянными обычаями и всегда одинаковыми разговорами. Воображеніе, окрыленное нѣжными чувстввами, наводитъ на все самыя яркія краски!

Опъ чего Нелли сдѣлалась такъ оспорожна? Опъ чего не садится за фортепiano, но убѣгаетъ Графа, опвершываешся, когда онъ проходитъ, и почти не расстаешся съ своимъ шитьемъ и книгами? Леди Джерсонъ въ восхищеніи опъ мнимаго спокойствія дочери, а Жуанито въ ошчаяніи. Нѣтъ ни какого способа проникнуть эпу тайну! Писать — значило бы во зло употребить госпепримство.

Онъ прогуливался по аллеѣ парка, одинъ, сложивъ руки, когда къ нему подошелъ Блемингъ, насвистывая, съ

припворнымъ равнодушіемъ . . . » Что съ вами, любезный Графъ? вѣрно задумались о вашемъ гошическомъ замкѣ и Маврскихъ башняхъ. Берегитесь предаваться меланхоліи! Зачѣмъ вы такъ скоро ушли послѣ завтрака? Я ждалъ васъ въ бильярдной. Съ нѣкошораго времени вы рѣшишельно ни въ чемъ не принимаете учаспія между нами, и похожи на мрачнаго героя Лорда Бейрона. Вы можете сказать, какъ Чайльдъ - Гарольдъ :

»Я былъ между ними, но не былъ однимъ изъ нихъ, и волновался тысячу чуждыхъ или мыслей.«

— » Ваша правда, Блемингъ, и я думаю, что всего благоразумнѣе намъ возврашиться въ Лондонъ; будемъ держась пари, заведемъ бѣгъ, и увидимъ, успупятъ ли мои Андалузскія лошади вашимъ Англійскимъ?

— Безподобно! я насилу могу скрывать зѣвоу: Белла—холодное существо; Леди Джерсонъ—важная дама; Милордъ заняшь дѣлами; Клара скучаетъ; наша прекрасная Нѣмая не хочетъ играть на фортепiano; ну, чортъ меня возьми, если здѣсь не умрешь опъ сплина! Гостей почти совсѣмъ не бываетъ, пошому что въ замкѣ ужасная скука,—и все это происходитъ опъ Нелли; въ ней, какъ я полагаю, не одна физическая болѣзнь, но и другая, которая разстроиваетъ умственные ея способности.

» Что вы разумѣете подъ этимъ?«

— Я, Сирь Аршуръ Блемингъ, былъ влюбленъ въ нее до безумія.

» Вы!«

— Да, я... васъ это удивляетъ? и меня шже, когда я шеперь образумился... Хошя она и нѣма, а умѣла околдо-

вашь меня; но всеильный разумокъ одержалъ верхъ надъ любовью... Въ ней я находилъ свои выгоды: супружеская молчаливость меня заранѣе восхищала... Нѣмая жена — сокровище!...

» Это спаро и вовсе нексапти... «

— Но знаете ли, что меня исцѣлило?

» Мнѣ почему знапѣ... Скажите одно: были ли вы любимы?

— Нѣпѣ... Это-то и спасло меня... Она очаровашельна; но послѣ приключенія, лишившаго ее употребленія языка, помѣшалась...

» Помѣшалась!.. «

— Будіпо вы не замѣчаете? музыка ея возвышенна, но иногда бываетъ дика и нескладна.

» Въ чемъ же соспойтъ ея помѣшашельство? «

— Бывъ принуждена, по своему несчастному положенію, веспи уеди-

ненную жизнь, она въ безпрестанной превогъ; жаждешъ ощущеній, и по-видимому, равнодушна къ искапелямъ любви ея, въ копорыхъ у ней нѣтъ недоспашка, потому что плѣншпельная красота заспавляешъ позабывашъ нѣмощу ея; но умѣвъ возжечь въ сердцѣ мужчины неугасаемое пламя, она шоржеспвенно объявляешъ, что никогда не выйдепъ замужъ, и показываешъ непреклонную холодность, забавляясь муками своихъ поклонниковъ.

Смершпельная дрожъ пробѣжала по всѣмъ членамъ молодаго Графа; зубы его скрежешали, пальцы сжались, руки оледенѣли.

— Безуміе эшо или помѣшашпельство, называйше какъ хошите, продолжалъ Блемингъ, не замѣчая смущенія Графа, но я не обманывалъ

себя, и опложилъ любовь въ сторону, какъ пару изношенныхъ перчатокъ; женишься на нѣмой я еще не прочь, но на помѣшанной—слуга покорный; это ужъ слишкомъ!

Графъ, слушая его, объяснялъ себѣ перемѣну обращенія Нелли. Бленингъ предложилъ ему, для развлечения, проѣхаться верхомъ; но Графъ отказался, и скорыми шагами пошелъ въ уединенную аллею; тамъ встрѣтился съ дамами, и началъ разговаривать съ Нелли. Она шла рядомъ съ маперью, пошупивъ взоры, и какъ будто какимъ-то облакомъ опдѣлялась отъ всего, ее окружавшаго. Потомъ сѣла на лавку и оставалась неподвижно, пока не увидѣла маленькой дочери садовника, кошорую, подзававъ къ себѣ рукою, поцѣловала съ нѣжностью.

«Вы любите ее?» сказалъ Графъ, приблизившись къ Нелли. Она сдѣлала ему утвердительный знакъ.

«И только ее одну?» прибавилъ онъ. Нелли отвернулась.

Въ шопъ же вечеръ къ нимъ прѣхалъ молодой Бароннетъ, и былъ принятъ какъ нельзя лучше.

»Вотъ еще новая жертва!» сказалъ Бленингъ Графу, входя въ столовую.

Послѣ обѣда Нелли, по настоянію мащери, рѣшилась въ уныломъ, но возвышенномъ шопѣ, импровизировать молишву. Воображенію представлялось олицетворенное огнечаяніе, которое, преклоня колѣна, въ жалобныхъ, изъ глубины души выходящихъ спонахъ, умилоствляло Небо; ню обращалось къ таинственной и безмолвной Природѣ, какъ сама Нелли; въ опривисшихъ и разнообразныхъ пассажахъ

выражалась необъяснимая потребность любви, счастья, стремление къ невозможному, крики радости и мрачное оцѣпенѣніе; по временамъ печальные акорды давали мечтамъ другое направленіе, то были: цвѣты среди развалинъ надгробнаго памятника, улыбка умирающаго, усиліе спрадальца, ищущаго для облегченія мукъ своихъ, слезы, и предусмапривающаго одну безнадежную будущность; жалобы молодой дѣвушки, скрывающей въ себѣ самой способности любить, какъ попокъ чистой воды, который, не достигая луга, перяется въ пропинкахъ, какъ неопкрываемыя свѣту творенія генія, который, чпобъ уменьшилъ свои спраданія, самъ довольспвуется ими. Учасъ генія не всегда ли почти есть спраданіе?

Внѣ себя опъ восшорга, Графъ по-

дошелъ къ Нелли, но увидѣлъ передъ собою лице безъ всякаго выраженія и пошупленные глаза. Онъ удалился. Бароннеть, въ свою очередь, превозносилъ Нелли похвалами. Между тѣмъ Блемингъ, опведя Графа въ спорону, сказалъ: эшо совершенное сумасшествіе.

— Или возвышенное опчаяніе, возразилъ Графъ.

VI.

Неизвѣстность мучительна; ей предпочитающъ иногда самое несчастіе. Графъ Мельфоро спарался разрѣшитъ свои сомнѣнія. Онъ былъ съ чувстввами высокими, и искалъ союза, основаннаго на любви одной: причины поспороннія разрушающъ прелестъ чистаго очарованія.

Онъ пламенно желалъ узнать мы-

сли Нелли и разгадашь шайну ея холодной оспорожности. Но какимъ образомъ? Англійскіе обычаи не допускающъ между молодыми людьми разнаго пола коропкихъ сношеній; въ гостиную сходящся всѣ вмѣстѣ; Графъ каждое утро приходилъ туда ранѣе опредѣленнаго часа, и только былъ замѣчаемъ слугами; но упорная спрасть должна воспоржеспвовашь рано или поздно: она сильна, какъ воля, копорая постоянно спремишся къ одной цѣли, и все сосредопочиваетъ въ одной идеи.

Мельфоро рѣшился писашь,—и съ эшимъ намѣреніемъ вошелъ въ гостиную... Но вдругъ пришла туда сама Нелли. Онъ приближаешся къ ней и оспанавливаетъ ее, говоря:

— «Одно слово... умоляю васъ: опказъ вашъ убьетъ меня.» Она пре-

пещеть, смопришь на него съ изумленіемъ, не показывая малѣйшаго знака нѣжності.

— «О» сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «вы не любите меня и никогда не любили!»

Она горько улыбнулась, и условными знаками сказавъ: «желаю, чпобъ вы оспавались въ этой мысли,» ушла въ другую комнату.

VII.

На слѣдующій день, по дорогѣ къ Лондону, капилась коляска: въ ней сидѣли Миссъ Клара, Сиръ Аршуръ Блемингъ и Графъ Мельфоро. Живая, веселая Клара спаралась вывести его изъ мрачнаго унынія, но пщещно. Онъ улыбался оспропамъ ея, и попомъ опять впадалъ въ размышленія. Южное воображеніе, мечпы о

счастіи исчезли; онъ вступалъ, такъ сказать, въ жизнь прозаическую, однообразную и разочарованную.

Поспѣшный отъѣздъ Графа нѣсколько удивилъ Лорда Джерсона; онъ приглашалъ его еще къ себѣ, и Графъ обѣщалъ пріѣхать.

Когда закладывали коляску, онъ замѣтилъ, что Нелли внимательно слушала Бароннета... Прощанье ея съ Графомъ было почти холодно.

Онъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней оставался въ своей комнатѣ и принималъ только Блеминга, который съ злобнымъ удовольствіемъ обращался къ прежнимъ своимъ замѣчаніямъ, чпобъ глубже вкоренить ихъ въ сердце молодаго Испанца, и убѣдилъ его наконецъ бытъ на балѣ у Лорда С. Тамъ Мельфоро нашелъ Клару въ роскошномъ нарядѣ, и ея

машь. Блемингъ, какъ сказывали онъ, уѣхалъ на охоту въ окрестности Лондона.

Въ залахъ толпилось блестящее общество. Балъ начинался во всемъ великолѣпнѣ; соскучась и успавъ бродить безъ цѣли въ ароматномъ, но пыгоспномъ вихрѣ, Графъ удалился въ библіотеку, куда собрались люди спепенные, или, подобно ему, успалые. Какъ изумился онъ, встрѣшивъ шупъ Бараннета. По его словамъ, здоровье Нелли было дурно.

«Ея положеніе дѣйствительно ужасно, говорилъ онъ: она едва ли не навсегда лишилась употребленія языка.

— » Увѣрены ли вы, что болѣзнь ея неисцѣлима?—

»Я учился Медицинѣ. . . . «

— «Для чего же? вы такъ богаты. . . .»

«Чтобъ знать ее» возразилъ Бароннeshъ: «развѣ наука сама по себѣ не имѣетъ занимательности?»

— «Можешъ бышь, къ тому были еще и тайныя причины. . . . —»

«Довольно и одного безпокойнаго любопытства. Признаюсь, я оригинальный докшоръ: вѣрю въ начало духовное, которое также существуетъ, какъ и матеріальное: одно поддерживается мыслью, другое движеніемъ.»

— «О, я въ него такъ же вѣрю, какъ и въ бытіе Бога. . . Вылечите ее. . . любите, и будьте счастливые меня. . . .»

Бароннeshъ съ печалью взглянулъ на него, и сжавъ его руку, сказалъ :

»Графъ! одно челоуѣколюбіе привело меня къ Миссъ Джерсонъ.«

— »Право? Вы меня не обманываете? извините, Бароннеть, я говорю, какъ безумный. . .

»Она можеть еще исцѣлишься, если. . . .»

— »Ахъ, ради Бога, говорите. . . не опасаетесь ли вы за ея разумъ?....

»Онъ нимало не поврежденъ, опъчаль Бароннеть, сжалась надъ спраданіемъ Графа: «будьте покойны; но ея душа въ борьбѣ съ грустью опъпошери дара слова. Нелли знаетъ, что она прекрасна, чувствуетъ въ себѣ отличныя способности, и терзается шѣмъ, что онъ шеперь какъ бы въ цѣпяхъ,—а это самое распроиваетъ и организмъ. . . Душа имѣеть на него сильное вліяніе; мы въ Медицинѣ часто относимъ къ физиче-

скимъ причинамъ то, что зависить отъ невидимыхъ психологическихъ дѣйствій. Этому есть множество примѣровъ. . . Ксенофонтъ, сочиненія котораго вы здѣсь видите. . .

Въ это время вошла Леди С. и подойдя къ Графу, сказала: не угодно ли вамъ составить партію въ экарте? — Отказаться было бы невѣжливо; онъ согласился, но былъ разсѣянъ и оспался въ проигрышѣ...

Между тѣмъ Бароннеть уже уѣхалъ.

Графъ не спалъ цѣлую ночь. На другой день, лежа на канапѣ, онъ щещно старался успокоиться, и еще больше тревожилъ себя думами.

Какое грустное занятіе приводитъ себя на память болѣе горестныя, нежели пріятныя минуты; мучить

себя шѣмъ, что могло бы доставлять намъ удовольствіе, еслибы мрачныя мечты не волновали воображенія, которое ищетъ чистѣйшей любви и полного блаженства, какъ будто это возможно въ здѣшнемъ мірѣ! Случается, что мы просыпаемся ночью съ крикомъ, или днемъ вдругъ бросаемъ перо... отъ чего же?.. Какая-нибудь мысль поражаетъ васъ, какъ холодное желѣзо.

VIII.

Лошадь! закричалъ Графъ. Прелестный Андалузскій конь несется по дорогѣ къ Виндзору, какъ стрѣла, пущенная изъ лука. Но Графъ останавливаетъ его, и по мѣрѣ приближенія къ своей цѣли, болѣе и болѣе ощущаетъ въ себѣ чувство страха.

Спранныя прошиворѣчія сердца!
Жалкія превовы спраспы!

Вопъ и замокъ Джерсона; еще нѣсколько минуць — и Графъ прїѣдетъ... Не удивяшся ли его прїѣзду... скроешь ли онъ свое смущеніе? Графа встрѣчаетъ слуга, беретъ подъ узду его лошадь, говоря, что дамы пошли прогуливаться. Графъ идетъ по первой попавшейся ему аллеѣ, слышитъ шаги.... это Нелли, въ сопровожденіи Блеминга.

Она вскрикиваетъ; подходятъ Лордъ и Леди Джерсонъ, и принимаютъ Графа...

Между тѣмъ: бѣдная нѣмая пришла въ себя. »Что съ тобою? другъ мой» сказала Леди Джерсонъ.

Легкій румянецъ оживилъ щеки Нелли, которыя векоръ покрылись блѣдностью. Она улыбнулась, обра-

пившись къ мапери и склонивъ къ ней голову.

IX.

Графъ приспально разсмаприваль Блеминга; но беззабопность, какъ и всегда, изображалась въ черсахъ его. Въ щегольскомъ охопничьемъ костюмъ, обрисовывавшемъ спройный его спанъ, онъ расхаживаль съ самодовольно-пріяпнымъ видомъ. »Признаюсь» сказалъ онъ: »мнѣ надобль и Англійскій чай и лошадинные бѣги; вопъ два дня, какъ я охочусь въ двухъ миляхъ опсюда у Лорда Варденспона, и сегодня поуспру заѣхаль къ Джерсону. — Очень радъ, что вижу васъ здѣсь, любезный Графъ. . . ! «

— »А вы оспанешесь въ замкъ? —

»Непремѣнно.«

— »Эпо весьма кспаши: мнѣ нужно съ вами объяснишься. . . —

»Я гошовъ , если угодно Вашему Сіятельству.«

Блемингъ скрывалъ въ себѣ адское бѣшенство, но въ залѣ игралъ приняшую имъ роль въпреннаго рассказика анекдотовъ и пуспаго любезника, невыходившаго однакожъ изъ приличій. Прекрасное лице Нелли запечатлѣно было, пакъ сказать , какою-то шайнспвенностью ; помноглубые глаза шуманились ; пальцы медленно водили иглой. Графу казалось, что она вздрагиваетъ, когда онъ возвышалъ голосъ.

»Будь повеселѣе , сказала ей Леди Джерсонъ. « Нелли поцѣловала ея руку, и опяшь впала въ изнеможеніе.

— »Никогда« говорилъ шихо Лордъ Джерсонъ съ грустью« мы не могли узнать причину ея скорби....

Блемингъ сдѣлалъ печальную мину, и шѣмъ хотѣлъ дать почувствовать, что онъ опасается за ея разумокъ.

Бароннетъ пріѣхалъ въ шопъ же вечеръ, и нашелъ, что Нелли страдаетъ нравственною болѣзною.

Распроганный Графъ, чтобъ не обнаружилъ своего волненія, удалился въ свою комнату, опоздавшій не совсѣмъ здоровымъ. Наспала ночь. Онъ сѣлъ подъ окно, надѣясь освѣжить себя чистымъ воздухомъ. Больные всегда воображаютъ, что благораспоренная атмосфера исцѣлитъ ихъ. Прохладный вѣтерокъ игралъ волосами, цвѣты благоухаютъ, женщины очаровываютъ плѣнительной улыбкой; но вѣтерокъ пройдетъ — благоуханіе исчезнетъ или сдѣлается шугоспнымъ, улыбка наскучитъ...

а въ сердцѣ останется все та же скорбь. Надобно искашь утѣшенія свыше: опшуда нисходитъ благодѣпельная роса, услаждающая душу!

Мысли Графа, не смотря на прелестную погоду, были мрачны, какъ и онъ самъ. »Какая болѣзнь снѣдаетъ способности Нелли? размышлялъ онъ: »какой червь почитъ ея разумокъ? Въ груди ея гнѣздишься грусь, но опъ чего? Если опъ любви, то зачѣмъ опвергаетъ меня? развѣ опъ недовѣрчивости къ моимъ кляпвамъ? Ежели она пошеряетъ разумокъ, я также лишусь его; ежели умретъ— тогда пуля прекрашитъ и мое существованіе. Но что говорю я! Кшо намъ далъ право на самоубійство, позволипельное только въ глазахъ маперіалистовъ? Оно оскорбляетъ всеблагаго Бога, потому что въ Его

власти прекратитъ нами страданія въ нескончаемую радость. Здѣсь на землѣ одно начало жизни, а ея продолженіе, во всей неизъяснимой гармоніи, должно бытъ въ Небѣ: мы лишь шамъ вполнѣ можемъ уразумѣть ее.

«Но доспанешъ ли у меня силы ждашь? Нѣшъ, я объяснюсь съ Нелли Мнѣ говоришь съ ней! Не безумный ли я?» Онъ приникъ головою къ мраморной подоконницѣ.

Въ спальнѣ Нелли блеснулъ огонь. Мельфоро успремилъ шуда взоры . . . видѣлъ, что она вышла на балконъ; попомъ сѣла у полуоткрытаго окна, и что-то писала; видѣлъ всѣ ея движенія: какъ рукою поддерживала она чело, кошорое, при мерцаніи лампы, казалось еще блѣднѣе; какъ плашкомъ упирала глаза. Ея печаль, уединеніе, молчаніе ночи—все воспламеняло его.

Онъ рѣшается разсмотрѣть ее ближе; узнать, что она писала, открыть причину ея грусти, если бъ это стоило ему даже жизни.

Она удалилась во внутренность спальни; двѣ женскія шѣни мелькнули на опущенныхъ шпорахъ; огонь погасъ; мраморная лампа едва мерцала во мракѣ; часы идушъ... но Графъ все еще у окна.

Вокругъ замка усроена была въ новѣйшемъ вкусѣ терраса. Графъ хочетъ на нее спуститься, хошя комната его въ самомъ верхнемъ этажѣ... пробуеетъ спавню, привязываетъ къ ней простыню, спускается, качаясь, подобно маяшнику, и наконецъ, опустивъ руки, прыгиваетъ на террасу... прислушивается... вездѣ тихо; осторожно подходитъ къ окну, поднимаетъ шпору... и вопть уже

въ святилищѣ, гдѣ спитъ Нелли. Онъ съ упоеніемъ вдыхаетъ въ себя воздухъ, растворенный любимыми ею ароматами; ея платье лежитъ на креслахъ; онъ видитъ саму Нелли сквозь прозрачный газъ, какъ сквозь образовавшееся изъ паровъ облако. Голова ея обращена къ нему. Какое спокойствіе въ чертахъ! какая нѣжность въ округленной шеѣ!.. Подъ его руку попадаетъ на споль шепрадь, омоченная слезами. Онъ бѣжитъ съ ней, и большую часть ночи проводитъ въ чтеніи.

ЖУРНАЛЬ НЕЛЛИ ДЖЕРСОНЪ.

15 Маія.

Вотъ прешья шепрадь моего журнала; я намѣрена продолжать его

посполянѣе , чѣмъ прежде; мнѣ при-
яшно разговаривають съ собою: я на-
учаюсь благоразумію ; пишу правду ,
чтобъ усовершенствоваться себя ; и
передавая бумагъ свои чувства , на-
хожу въ помѣ истинную опраду.

Всемогуцій Боже ! повергаю себя
подъ опеческій покровъ Твой. Не до-
пусти меня впаспѣ въ опчаяніе. Я
успѣшаюсь пѣмъ, что составляю хо-
пя малѣйшую часпѣ Твоего непре-
дѣльнаго и прекраснаго шворенія. Ты
внушилъ мнѣ спасительную мысль о
Тебѣ и уполишь со временемъ мои
спраданія. Я вижу Тебя всюду : мнѣ
говорятъ о Тебѣ бури, вѣспрѣ, вѣсѣ
спихіи; насѣкомое, ползающее въ сво-
ей блестящей одеждѣ; пшпца, пою-
щая въ воздухѣ, — вся природа. Даруй
мнѣ доброе сердце при вѣсѣхъ моихъ
печаляхъ , и подай силы переносить

всѣ будущія мученія , какъ самъ Хри-
спосъ переносилъ ихъ. Я несчастна,
но не обязана ли любовью къ доб-
рымъ моимъ родителемъ? Благослови
ихъ. Сподоби меня молишься Тебѣ
всегда ; чистота души ободряетъ къ
молишвѣ, дѣлая насъ болѣе достойны-
ми призывашъ святое Твое имя.

16.

Сегодня поуспру я играла на фор-
тепiano; потомъ рвала розы для эс-
сенци ; прошлогодняя была очень
хороша ; многіе находили , что она
гораздо пріятнѣе и лучше той , ка-
кая продается въ Лондонѣ. Я пода-
рила двѣ спклянки Кларъ. Маменька
позволила мнѣ чашать Единбургскую
темницу Сира Вальшера Скопша.
Чшеніе меня занимаетъ. Какой уди-
вительный талантъ ! Испорія полу-

чаєть нову прелєсть и спановип-ся занимапельнѣе, облакаясь въ пипическія формы. Поэзія воскрешаєть прошєдшее.»

17. Ушро.

Сирь Аршурь Блемингъ прїѣхаль въ зàмокъ. Клара осталась дома. Я не люблю ихъ. Играла на форшєпіано, чипала Эдинбургскую шємницу. Намѣстѣ Дженни, я бы солгала, чшобъ спасши сєстру свою. Въ эшомъ случаѣ развѣ можно счишашъ ложъ за грѣхъ?

Вечерь.

Чєго опъ меня хочєть Сирь Аршурь Блемингъ? Онъ меня прєслѣдуєть, надоѣдаєть мнѣ. Будпо можно любишь бѣдную нѣмую? оставьше меня въ покоѣ.

26.

Цѣлыхъ девять дней я не писала журнала. . . . Я была такъ печальна ! однако жъ шеперь спала покойнѣе. Я сказала , что не хочу выходить замужъ. Мои родители мнѣ не противорѣчили. Какъ я имъ благодарна !

Сирь Артуръ Блемингъ мнѣ не нравился : онъ такъ смѣшонъ , говоришь такимъ изысканнымъ языкомъ. Онъ искалъ моего приданаго. Если бъ я вышла замужъ , то желала бы , чшобъ мужъ мой былъ мнѣ преданъ , какъ я ему. Но это невозможно : молодому человѣку послѣ года , положимъ , двухъ лѣтъ , вѣрно наскучишь жена , кошорая ни разу не скажешь : люблю себя , и выражается одними не ясными знаками. Надолголи

я останусь въ глазахъ его хорошею? Не слова ли оживляющъ и разнообразяющъ красоту женщины? А мнѣ красота въ пятгосшь. Сохрани меня Богъ опъ любви. — Я чишала проповѣди; поставила на солнце розовую эссенцію; будешъ ли она шакъ же удачна, какъ прошлогодняя?

27.

Играла часъ на форшепiано; ахъ какъ я счастлива, что уѣхалъ Блемингъ!

28.

Блемингъ писалъ ко мнѣ письмо, которое меня тронуло: онъ проситъ моей дружбы и отказывается опъ всякой надежды на бракъ со мною. Съ этимъ условiемъ я могу еще его видѣть. Белла говоритъ, что я напрасно обращаюсь съ нимъ

шакъ холодно ; но я нисколько не оскорбила его своимъ опказомъ. . . .
 Зачѣмъ лишать меня послѣдняго блага—душевнаго спокойствія? Мужъ скоро разлюбилъ бы меня , и я бы оспалась одна съ своей любовью. . .
 Нѣштъ, я не выйду замужъ.

29.

Пріѣхали Блемингъ и Клара. Еще былъ въ первый разъ молодой Испанскій Графъ, другъ моего папеньки. Я играла на форшепіано, когда онъ вошелъ.

Блемингъ сказалъ ему въ саду, что я нѣмая; молодой человекъ сдѣлался скучень, а прежде разговаривалъ съ большимъ жаромъ. . . онъ раненъ въ Каталоніи, изгнанъ изъ опечесства, изнуренъ трудносшями кампаніи.

Право не знаю, опъ чего такъ эши дни я лѣнива.... долго ли бы написатъ нѣсколько строчекъ передъ сномъ?.. но время такъ хорошо, всегда проходишь въ прогулкахъ. Бапюшка, Блемингъ и Графъ разсуждаютъ о важныхъ предметахъ; эшо полезно слушатъ, и я ихъ слушаю.... Бѣдный Блемингъ! мнѣ жалко его, когда онъ вступаешъ въ споры съ Графомъ.

Съ нѣкошорыхъ поръ я много вышиваю; меня бранишь за эшо добрая моя маменька. Боже мой! чѣмъ же мнѣ заняшь себя?.. Мысли тѣсняшся въ головѣ моей, а объясняшь ихъ знаками скучно, припомъ они такъ нецоняшны...

Я болѣе чѣмъ когда нибудь въ уеди-

неніи съ самой собою. Обыкновенный разговоръ кажется мнѣ обиднымъ. Меня спрашиваютъ: хочу ли я идти въ тѣнь или на солнце; каково я спала; каковъ мой аппетитъ? тогда какъ сколько прекрасныхъ, новыхъ, можетъ быть, идей, волнуетъ мое сердце... Не стоить отвѣчать на такіе вопросы; для меня лучше слушать другихъ. Странно: голосъ Графа отдается въ душѣ моей; не дѣйствіе ли это музыки? Его пріятный голосъ вселяетъ въ мою душу какое-то особенное чувство гармоніи, которую онъ довершаетъ своею выразительною физиономіею. Я внутренно раздѣляю его улыбку и горька плакать, когда онъ грустенъ.

Нынѣшній вечеръ онъ былъ съ маменькой и со мною у большого водопада; солнце садилось; вода казалась

подернутою золопомъ, въ ней отражались облака; онъ объяснялъ намъ оппическія дѣйствія свѣта; въ это время маменьку позвалъ садовникъ: Графъ продолжалъ, я слушала, — и вмѣсто того, чпобъ смотрѣть на облака, смотрѣла на него; рука моя невольно опустилась на его руку; я вся смѣшалась. Съ нимъ созерцаніе явленій природы ведетъ къ познанію Творца и разнообразныхъ его швореній. Какой источникъ блаженства!... какъ я несчастлива!

2 Іюля.

Я очень недовольна собой за этою вечеръ. Онъ говорилъ объ Испаніи, о непріятномъ положеніи изгнанника. — Я, чпобъ утѣшить его, спала играть романсъ, — онъ запѣлъ его, а я ему акомпанировала, попомъ на-

чала импровизировать... Сердце во мнѣ такъ билось, что даже пальцы мои препенали... Я вся превратилась въ гармонию, потому что она одна оспалась мнѣ въ замѣнъ языка. Понялъ ли онъ, что я хотѣла сказать ему?

3.

Такъ точно, онъ понялъ: сегодня онъ спрашивалъ меня съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, что я рѣшилась оповѣщать ему на бумагѣ... и призналась, что никогда не хочу выходить замужъ. Хорошо ли я сдѣлала? конечно. Между нами все конечно. Онъ добръ, исполненъ любви, но я скоро бы ему наскучила, и тогда... должна бы умереть.

5.

Блемингъ сказывалъ мнѣ, что Мель-

Форо имѣлъ въ свѣтѣ, большой успѣхъ; шупъ ничего нѣтъ удивительнаго; но я удивляюсь тому, что онъ оказываетъ такое вниманіе Кларъ. Какъ бы я желала сдѣлаться больною; надобно забыть его: онъ уничтожаетъ во мнѣ послѣдній остатокъ жизни, разсудка, надежды и любви. Что бы вышло, еслибъ судьба его соединена была съ моею! но и теперь несчастіе мое достигло высшей степени—я люблю его; впрочемъ я еще могу исцѣлиться, позабыть его; надобно, чтобъ онъ уѣхалъ. Куда же? — въ Лондонъ; тамъ онъ скоро испребитъ меня изъ своей памяти. Блемингъ увѣрялъ, что онъ одержимъ пагубною болѣзнью: его спрасть — мучить женщинъ, копорья почувствуютъ къ нему склонность. Нѣтъ, это клевета. . .

Я увижу... испытаю его; если я внушила ему истинную любовь, то наружная моя холодность ее не уничтожитъ; если же онъ оставитъ меня, тогда потеря его привязанности не будетъ стоить и сожалѣнія... Не происходятъ ли мрачныя мои мысли отъ того, что я осуждена на вѣчное молчаніе?

8.

Языкъ подобенъ клапану, въ копорый выходятъ душевныя ощущенія: когда ихъ заглушаешь въ себѣ, они шерзаютъ, истощаютъ сердце.

9.

Думаю, что я больна физически; нѣтъ, я отъ избытка души и нѣжныхъ чувствъ умираю.

Ждалъ ли онъ меня? О, я не смѣю льстить себя эпою надеждою. . . Онъ былъ въ госпиной, когда я сошла шуда сегодня поупру, и подошелъ ко мнѣ. . . Въспо обыкновенной живоспи его разговора, я видѣла въ немъ одну нерѣшимость и робость.

»Вы никогда меня не любили?« сказалъ онъ. »Могла ли я опвѣчать ему прямо, что чувствовала? Я объяснила знаками: желаю, чтобъ вы оставались въ этой мысли. Не значить ли это: я опасаюсь, что привязанность ваша къ несчастной Нѣмой скоро пройдетъ; что наружность ея едва ли можетъ навсегда сохранить въ васъ любовь, которая составляетъ все для нее; забудьте ее и не убивайте; но понялъ ли

онъ меня? мысль не зависить опъ языка, но безъ него выразишь ее шрудно... я этому живой примѣръ... Не слишкомъ ли спрого мое испытаніе? Не лучше ли бы оспашься съ нимъ, выслушать его, опвѣчать ему? Но я такъ была впревожена. Онъ не пишеть ко мнѣ, попому, можеть быть, что считаеть это неприличнымъ и несогласнымъ съ обязанностями госпя? Жуанипо! я люблю тебя... переговоры съ опцомъ моимъ.

24 Іюля.

Онъ уѣхаль, неблагодарный, вѣроломный!.. Онъ уѣхаль!

29.

Есть сладостное упѣшеніе въ несчастіи: обращать съ молишвой

къ Небу; тогда спраждущее существо чувспвуетъ себя болѣе достойнымъ милосердія Творца.

Я молода еще и хороша; но всегда ли буду такою, и къ чему мнѣ это теперь ?

2 Августа.

Онъ возвратился, возвратился, мой Жуанино! Какъ лгалъ Блемингъ! Онъ увѣрялъ, что Жуанино бросился въ вихрь свѣта и разсѣянности. Это неправда: онъ такъ грустенъ, такъ похудѣлъ; любовь видна на миломъ лицѣ его.... Когда я выйду за него, какъ буду заботиться о его здоровьѣ, предупреждать всѣ его желанія, чшобъ всегда ему нравиться. Хопя бы онъ любилъ меня годъ, нѣсколько мѣсяцевъ.... все равно: по крайней мѣрѣ я это время считала

бы жизнью! а попомъ мнѣ, бѣдной Нѣмой, легко было бы поддерживаць себя мечтами о счастіи!

Всѣ его встрѣпили здѣсь съ радостью и я поже . . . Я вскрикнула . . . почувствовала сильное волненіе и боялась упасть въ обморокъ.

Онъ ушелъ въ свою комнату . . . я его вижу: онъ у окна, смотришь какъ я пишу . . . Онъ меня любитъ. Я плачу, плачу опть радости, опть восхищенія . . . Пусть онъ видить и пойметъ мои слезы . . . Я плачу опть любви. Какое блаженство! если бъ я могла вполне изъяснить всѣ свои ощущенія! . . .

Я перестаю писаць: избытокъ чувствъ меня упоминаетъ. Прости, мой Жуанито . . . я хочу опустить шторы . . . до завтра . . . Онъ все еще у окна . . . надобно позвать

Бетци , чшобъ помогла мнѣ раздѣшься , погасишь свѣчу... Какая прекрасная ночь !.. Проспи, мой милый Жуанито... до завтра , навсегда. Жизнь земная крапка , но цѣль ея можетъ бышь достигнута ; полное же блаженство есть удѣль жизни небесной: памъ вѣчная любовь.

Мы раздѣлены теперь другъ опъ друга, но наши души будутъ неразлучны — это залогъ земнаго счаспія... Я позвонила... но онъ у окна... Спуйай, мой Жуанито , ты такъ же ушомленъ, какъ и я.

Въ продолженіе ночи онъ чипалъ, перечишывалъ, пожиралъ, такъ сказашъ , каждую спроку , и пронутый искренностью Нелли, прощаль Блеминга , доставившаго ему незабвенныя минушы.

Въ счастьи мы такъ охотно все прощаемъ!

Наконецъ изъ-за высоти Виндзора блеснула заря; облака озлапились, горизонтъ засвѣплѣлъ. Графъ не сводитъ глазъ съ шелковыхъ занавѣсей. Вопиѣ онѣ заколебались.... ихъ приподнимаещъ миленькая ручка; попомъ показывается Нелли, въ упренномъ платьѣ; волосы въ кудряхъ упадающъ на ея щеки и шею; на лицѣ ея изображено безпокойство. — Онѣ кланяется ей... и видитъ, что она всиревожена; это его огорчаетъ.

Онѣ не въ силахъ преодолѣть себя, и спустившись внизъ, робко идетъ чрезъ корридоры и входитъ къ Нелли.

Она вскрикнула. « Нелли, сказалъ Жуанито :» передъ тобой женихъ твой, я все знаю; Лордъ и Леди не

откажущаяся благословишь нашу любовь. Нелли! я твой, твой на всегда. Говори; любовь должна возвратишь тебѣ прежнюю жизнь; скажи хоть одно слово. Но всѣ ея усилія тщетны.

Она беретъ перо и пишетъ: какъ достали вы журналъ мой?

Жуанито рассказываетъ о своей скукѣ, о своемъ отъѣздѣ, отчаяніи, пусупотѣ, которую онъ находилъ въ свѣтѣ, случайномъ открытіи имъ ея нѣжной къ нему привязанности, о своемъ возвращеніи и объ опасностяхъ, какимъ подвергался, спускаясь къ ней ночью.... Она содрогнулась, измѣривъ глазами распояніе между его окномъ и ея комнатою, и склонила голову на его плечо. — О, ты будешь говорить непрестанно. — Она печально сдѣлала знакъ, обнаруживавшій ея безнадежность.

Графъ, раскрывъ журналъ, написалъ :

3 Августа.

Донъ Жуанито Графъ Мельфоро и Миссъ Нелли Джерсонъ поклялись въ вѣчной любви, съ тѣмъ, чшобъ ушвердить ее бракомъ.

Донъ Жуанито.

А она прибавила внизу:» съ благословенія моихъ родителей.»

Нелли Джерсонъ.

Въ это время дверь отворилась ; Блемингъ вошелъ съ Бепци. Видите, сказалъ онъ, что вы не нужны сегодня для Миссъ Джерсонъ : Графъ лучше васъ исполнитъ вашу должность. »Молчи, вскричалъ Жуанито,

у кошораго кровь закипѣла въ жилахъ:» бездѣльникъ! . . . твои слова не могутъ очернить моей невѣсты.—Но она не будетъ твоей женою, отвѣчалъ Блемингъ, побагровѣвшій отъ бѣшенства; ты мнѣ дашь опчетъ въ своей дерзости. Я жду тебя у водопада.

Нелли лишилась чувствъ на рукахъ Бепци. Блемингъ бросаетъ Графу перчатку; къ нимъ на шумъ прибѣгаетъ Джерсонъ. Жуанишо отдаетъ ему журналъ его дочери, говоря: берегитесь ея,—и выходитъ. На дворѣ онъ встрѣтилъ Блеминга и его человѣка съ двумя писмопешами. Они пошли въ паркъ.

Нелли почувствовала; открываетъ блуждающіе глаза, волосы ея распущились. Она видитъ отца, издаетъ пронзительные крики, образующіе хаосъ словъ, бѣжитъ по аллеямъ, съ

какими-то спранными, дикими восклицаніями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея раздается писполетный выстрѣлъ!

Она спѣшитъ къ водопаду... Окровавленный Жуанишо падаетъ...

— «Ахъ, закричала Нелли, Жуанишо, любезный Жуанишо!» и полмершвая повалилась на землю.

Ее положили въ постель, почти безъ чувствъ; всѣ въ слезахъ окружающіе ее, Бароннетъ испощаетъ все свое искусство, чшобъ помочь ей; она приходитъ въ себя... но для печали. — Жуанишо умеръ! сказала она въ порывѣ отчаянія.

Вдругъ онъ показывается съ перевязанною рукою.

Нелли приподымается, произнося: «Жуанишо!»

— «Рана не опасна, милая моя Нелли.»

Души ихъ исполнились глубокихъ, неизъяснимыхъ ощущеній, копорыя на долго оспаются въ памяти. Бароннеть желалъ этого, но боялся, чпобъ столь сильный порывъ восторга не повредилъ здоровью Нелли.

«Блемингъ, мучимый раскаяніемъ, уѣхалъ» сказалъ Лордъ Джерсонъ.

«Безцѣнная дочь моя! Жуанипо будешь твоимъ мужемъ.»

— «Маменька!» проговорила Нелли, склонившись опъ изнеможенія на подушку.

По совѣшу Бароннепа, всѣ замолчали и сѣли вокругъ постели, кромѣ Леди Джерсонъ, копорая молилась, успремивъ взоры на Нелли, почувствовавшую лихорадку. Издали слышенъ былъ шумъ радовавшихся слу-

жишелей; нѣкоторые изъ нихъ спод-
яли на колѣняхъ передъ иконою и
плакали. Нелли, слыша это, улыбу-
лась, взяла руки своего опца и ма-
тери—и поцѣловала ихъ.

Старый Джемсъ, спасшій ее во
время пожара, споялъ у дверей.

Наспавшее за шѣмъ продолжитель-
ное молчаніе обезпокоио Графа.

Онъ, подойдя къ изголовью, сказалъ:
»Нелли, еще одно слово.«

Она не отвѣчала.

»Хочешь ли бышь моею женою?»

Нелли обратилась къ своимъ род-
нымъ, и когда они изъявили свое сог-
ласіе, сказала: »да.«

Попомъ, крестнообразно сложивъ
руки, благодарила Небо, пославшее ей,
послѣ горестныхъ дней, споль не-
ожиданную радость!

КОНЕЦЪ ПРЕКРАСНАГО ДНЯ

Бывають дни мрачныя, несчастныя, кошорые, какъ предвѣстники рока, внушая горестныя мысли, оправдываютъ ихъ и не обманываютъ насъ до самой ночи. Тогда тщетны всѣ предосторожности: останешься ли дома, чинобъ предохранить себя отъ неприятности — бѣда скорѣе влещишь въ замочную скважину, нежели оставишь себя въ покоѣ. Въ такихъ случаяхъ всего лучше давай ей свободный входъ къ вамъ. Предчувствуемое несчастіе можно сравнить съ висящимъ надъ нашею го-

ловою громовымъ ударомъ, коего сила слабѣетъ опъ ожиданія. Душа сближается съ бѣдою, предвидимою издали, и когда она приходитъ, мы часто сознаемся, что страхъ представлялъ ее гораздо въ большемъ видѣ, и опъ того самое несчастіе кажется сносно.

Но нѣкоторыя дни начинаются восхищительнымъ упрямъ; мы просыпаемся съ яснымъ взоромъ, съ радостью въ сердцѣ. Какой прекрасный день, говоришь себѣ! сколько счастья обѣщаетъ эпохѣ прелестный, роскошный горизонтъ! Но вмѣсто радости, испытываемъ горестъ: такъ иногда улыбаются игроку счастье, обогащая его сначала серебромъ и золотомъ, а потомъ все у него отнимаютъ.—Тогда нѣтъ даже времени приготовить къ получаемому уда-

ру. Онъ не убиваетъ васъ, но поражаетъ до такой степени, чѣтобы вы могли вполне чувствовашь всѣ мученія.

Въ одинъ изъ такихъ дней, Императрица Жозефина пробуждена была игривымъ лучемъ солнца, освѣтившимъ лице ея, сквозь кисейныя, вышитыя золотомъ занавѣси, спускавшіяся изъ когтей орла двумя пологами около ея кровати. Опдернувъ ихъ, она усремилась къ небу одинъ изъ пѣхъ взглядовъ, которыми обыкновенно встрѣчала своего обожаемаго сына Евгенія, или своего супруга, Императора. Чувства ея, казалось, согласовались съ радостнымъ восходомъ величественнаго свѣтила. Накинувъ на себя бѣлый капотъ, и надѣвъ вышитыя туфли, она отворила окно въ Англійскій садъ.

Императрица въ то время находилась въ Трианонѣ, уединенномъ среди великолѣпныхъ Версальскихъ садовъ.

Все дышало нѣгою. Вершины густыхъ деревьевъ колебались отъ дуновенія упренняго вѣтерка, и какъ бы шептали про любовь.

И Жозефина также говорила себѣ: какой прекрасный день! сколько онъ общаептъ мнѣ счастья!

Въ эту минушу слышались ей мелодическіе звуки музыки. Она подумала, что ее увидѣли, и удалившись отъ окна, легла въ постель, занятая пріятнѣйшими мечтами. Сердце ея такъ было полно воспоргомъ, что наступающій день она считала особеннымъ для себя праздникомъ.

Вдругъ, безъ всякаго доклада, кто-

по, войдя къ ней въ комнату, бросился къ ея кровати.—О, я знала, воскликнула Жозефина, что этотъ день будетъ для меня счастливейшимъ! Это ты, мой сынъ Евгенийъ наконецъ ты возвратился послѣ шести мѣсячной разлуки.

Она плакала отъ радости.

По минованіи перваго восторга, они смотрѣли другъ на друга въ молчаніи, которое прерывалось только ихъ поцѣлуями; самые взгляды ихъ и безмолвіе были весьма для нихъ понятны. Въ дружбѣ Евгенія и Жозефины было что-то небесное.

«Добрая, нѣжная мапушка!» сказалъ Вице-Король Испаніи, «я думалъ обрадовать васъ неожиданнымъ приходомъ, и хотѣлъ, чтобы вы пробудились отъ военной музыки.»

— «Нѣтъ, ты напрасно не преду-

предилъ меня, милый мой Евгений, опвѣчала Жозефина съ ангельскою улыбкою, необнаруживавшею ни малѣйшаго упрека: такое нечаянное удовольствіе могло бы мнѣ споспѣишь жизни! ты знаешь, сколько я всегда тебя любила. Я люблю и Императора за его къ тебѣ дружбу, за усыновленіе тебя, и конечно сполько же люблю его за личныя достоинства, какъ великаго Наполеона, но не ревнуй меня! — » Я также люблю его опъ всей души, продолжалъ Евгений, потому что вы мать мнѣ и обожаете его. »

— « Ты вѣрно его видѣлъ послѣ своего возвращенія? » спросила Жозефина.

« Первое мое посѣщеніе, какъ и первая мысль были вамъ посвящены мною. »

— « Я первая послѣ него имѣла бы на эпо право» возразила Императрица съ благородною важностію, не уничижившею однакожь нѣжности ея взоровъ «Но онъ пакъ же, какъ и ты, меня любишь, — и понимая любовь сына, извинишь швою забывчивость» прибавила она съ небесною кропосію. Замѣтя, что Евгеній огорчился ея упрекомъ, она спѣшила осушить его слезы материнскимъ поцѣлуемъ.

Они завтракали въ Трианонъ, безъ всякаго эпикеша, предаваясь чувствамъ дружбы и смѣшивая радостныя слезы съ пріятными воспоминаніями; говорили объ Италіи, походахъ, и побѣдахъ Императора, и добрая Жозефина спрашивала себя: не древній ли полу-богъ супругъ ея, не ангелъ ли сынъ у ней?

Потомъ они сошли въ садъ, Принцъ

велъ Жозефину подъ руку. Они ходили по излучистымъ аллеямъ, рѣзвились, какъ дѣти, спускались въ подземные гробы, плавали въ лодкѣ...

Но вдругъ Императрица задумалась, и чѣмъ себя успокоить, должна была ловить взоры своего сына.

Она увидѣла на кормѣ одной шлюпки надъ именемъ Французской Императрицы изгладившееся имя бывшей Королевы Маріи-Аншванешпы.

«Мы не сядемъ въ эту шлюпку, сказала Жозефина: она внушаетъ мнѣ непріятныя мысли.»

Проходя мимо фабрикъ и мраморной фермы, бывшихъ нѣкогда свидѣтелями увеселеній супруги Людовика XVI, Императрица не могла разсѣять грустныхъ мыслей, и глубокой вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея.

« Кто назадъ тому пятнадцать лѣтъ, могъ подумать, спросила она, что дворецъ Французской Королевы будетъ принадлежать мнѣ, Жозефинѣ де Таше, и кто поручится, что я, въ свою очередь, также не лишусь его, а мое имя не замѣнится другимъ на шляпкахъ? »

Евгеній поблѣднѣлъ: онъ слышалъ, что Императоръ желалъ бы имѣть прямого наследника, и хотя однажды, но упомянулъ о *разводѣ*.

Не имѣла ли въ самомъ дѣлѣ Жозефина роковаго предчувствія? на лодкахъ, сплывшихъ въ прудахъ Версальскихъ садовъ, и какъ бы напоминавшихъ непрочность всего земнаго, много смѣнилось царственныхъ именъ предшественницъ Маріи-Антуанетты и Жозефины.

Слезы навернулись у Принца Евгения и Жозефины, но сіявшее надъ ними ясное небо разогнало ихъ мрачныя думы.

Между шѣмъ по дорогѣ изъ Парижа въ Версаль скакали въ блестящихъ ливреяхъ лакеи, кавалеры въ кафпанахъ, шипыхъ золопомъ, и придворныя экипажи.

Попомъ показалаь богашая карета, запряженная въ шесть лошадей, и съ большой дороги поворошила къ рѣшеткѣ со щипами и разнообразной армашурой, за копорю возвышались зданія архипектуры среднихъ вѣковъ, всѣ мраморныя или на кирпичномъ фундаменпѣ, украшенныя Римскими бюстами,—золопо было перемѣшано шамъ съ желѣзомъ.

Вслѣдъ за шѣмъ пронеслась, подобно молніи, гораздо богашѣйшая каре-

ша, въ восемь лошадей бѣлыхъ, какъ пѣна.

Ее отовсюду привѣтствовали громкими восклицаніями; но сидѣвшій въ ней мужчина со сложенными руками, и головою склоненною на грудь, въ глубокомъ размышленіи, не показывалъ никакого вниманія къ сопровождавшимъ его со всѣхъ сторонъ ура!

Наполеонъ (это былъ онъ) казался мрачнымъ, озабоченнымъ, какъ накануне одного изъ шѣхъ сраженій, отъ котораго зависѣла нѣкогда судьба цѣлой Европы. Напрасно толпы народа ожидали его благосклонной улыбки. Онъ не видѣлъ ихъ и не слышалъ, заняшій волновавшею его мыслию. Съ нимъ сидѣлъ его Оберъ-Готмаршалъ, который видя задумчивость Государя, не смѣлъ прерывать ее.

Императоръ грозно взглянулъ на лошадей, какъ бы желая уничтожить ихъ своимъ взоромъ: при всей быспрошѣ ихъ бѣга, ему ошѣ неперпѣнїя казалось, что онѣ вѣдушѣ медленно; но примѣпя сборное мѣсто охотниковъ Людовика XIII, открывшеся изъ-за опдаленнаго шума, онѣ, по видимому забылѣ мысль, пѣгошившую его душу.

»Что за уродливое зданїе!« сказалъ Наполеонѣ: »и какѣ вздумалось Людовику XIII окружить эту разноцвѣтную громаду спроенїй такою правильною, благородною архитекшурою.

— »Полагаюшѣ, что изѣ уваженїя къ памяти его родителѣ« отвѣчалъ Оберѣ-Гофмаршалѣ.

»О, я не имѣю подобныхъ причинѣ уважать спранный вкусѣ Людовика XIII, и велю выпроить здѣсь

новый дворець съ колонадой, и какъ бы ты думалъ, чью прошивъ нее поставлю спашую?

— »По всей справедливости, здѣсь слѣдуетъ сполнѣ монументу Вашего Величества: такъ какъ Вамъ, Государь, принадлежишь мысль дать новый видъ эшому зданію. . . .

» Будь осторожниѣе, Дюрокъ: ремесло льстеца унизительно, прибавилъ Императоръ: «весь Версаль наполненъ воспоминаніями о Людовикѣ XIV, и среди колонады будетъ поставлена его спашуя во всемъ великолѣпїи, а подъ сводомъ будутъ изображены великія дѣянїя, прославившія его царствованїе; это долгъ мой. Гдѣ ни народъ, ни Государь, не опличаютъ алмазовъ въ грудѣ камней, гдѣ не покровительствуются дарованїя, тамъ генїи гибнутъ при самомъ ихъ рожденїи.

Наполеонъ обыкновенно говорилъ съ жаромъ о Людовикѣ XIV, и съ негодованіемъ опзывался на счешъ нѣхъ, копорые покушались унизить вѣкъ сго.

Подъѣхавъ къ рѣшеткѣ дворца, Императоръ вошелъ въ одинъ изъ порпиковъ, ведущихъ къ Версальскому парку, и бросивъ орлиный взглядъ на множество спашуй, на прелесшныя аллеи, великолѣпныя фоншаны и пруды, среди зелени,—сказалъ: вошъ истинное изящество! я узнаю Великаго Государя.

Потомъ, взглянувъ на фасадъ дворца, прибавилъ:

— »Здѣсь естъ недоспашки, но и шупъ видѣнъ Людовикъ XIV« снялъ шляпу, и обрапясь къ своей свипѣ, произнесъ: господа! поклонитесь произведенію генія!

Едва выговоривъ послѣднія слова, Наполеонъ впалъ въ прежнюю задумчивость, и послѣ минушнаго размышленія, сказалъ Дюроку: я опсправлюсь въ Трианонъ пѣшкомъ съ Руспаномъ, дожидайтесь меня пущѣ; я скоро возвращусь. Я хочу сдѣлать сюрпризъ Императрицѣ, прибавилъ онъ, спараясь скрыть свои мысли. Чело его болѣе и болѣе спановилось мрачнымъ. Онъ пошелъ направо, въ сопровожденіи одного Руспана, произнёся на пупи только опривистыя слова, и дойдя до рѣшетки, отдѣляющей Версальскіе сады опъ Трианона, судорожно поднялъ руку ко лбу, чшобъ сперепъ холодный потъ съ него.

Хопя Наполеонъ не приказалъ извѣщать Императрицу о пріѣздѣ его въ Версаль, но слухъ о шомъ скоро доспигъ до Трианона.

Фреръ, первый камердинеръ Жозефины, побѣжалъ доложить ей о прибытіи Государя, когда она продолжала еще гулять по пыльнымъ аллеямъ съ своимъ сыномъ.

Это извѣстіе вдругъ омрачило Императрицу, между тѣмъ какъ прежде она всегда считала себя счастливою, слыша о пріѣздѣ своего знаменитаго супруга.

Евгеній, бывший совершенно въ веселомъ расположеніи духа, и понимавшій самыя скрытныя ощущенія своей матери, почувствовалъ также внутреннее волненіе.

Императрица, поддерживаемая сыномъ, спунивъ на порогъ замка, чуть не упала въ обморокъ.

»Неужели прекрасный день я кончу слезами? сказала она со вздохомъ, но не смотря на все свое смущеніе,

думала объ Евгеніѣ, и вмѣстѣ опасаясь, чшобъ онъ не получилъ опъ Императора выговора за то, что не явился къ нему первому по возвращеніи изъ Испаліи, отвела его въ другую комнату.

Едва она разсталась съ сыномъ, какъ вошелъ Императоръ съ разсѣяннымъ видомъ, и не сдѣлавъ ей никакого привѣтствія, бросилъ на софу шляпу.

Императрица содрогнулась, какъ бы опъ дѣйствія сверхъестественной силы, почувствовавъ холодный поцѣлуй Наполеона, съ нѣкоторымъ принужденіемъ прикоснувшася къ ея головѣ.

Списнувъ за спиною одну руку въ другую, онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, не прерывая молчанія съ Жозефиною, которая, какъ

живой образъ ужаса , прислонившись къ стѣнѣ , приспально наблюдала малѣйшія его движенія.

Императоръ остановился и устремилъ на Жозефину взоръ, невольно выразившій чувство жалости.

Глаза ея подернулись слезами, надежда блеснула въ ея сердцѣ, и Жозефина, съ неизъяснимою доброшою, копорая видна была въ самыхъ чертахъ ея, сказала:

» Скажи, чѣмъ я заслужила гнѣвъ твой?

Императоръ молчалъ, и сдѣлался еще задумчивѣе.

» Геній мой хранищель ! почему скрываешь опъ меня печаль свою, ежели она шягошишь тебя ; сердце мое, какъ урна , гошова принять швой слезы ; прежде я была швоимъ другомъ, я была все для тебя

а теперь ничто больше для Васъ и недостойна даже раздѣлять съ Вами грусть Вашу.

Наполеонъ, споявшій неподвижно, подобно человѣку, вдругъ успокоенному гармоническимъ звукомъ Эоловой арфы, употребилъ все усиліе, чшобъ уничтожить родившееся въ немъ новое чувство.

«Теперь не до того сказалъ онъ, стараясь придать твердость своему голосу:» къ сожалѣнію я о дѣлахъ долженъ говорить съ вами!....

«Съ вами! прежде Вы просто называли меня Жозефиною.

— Еще повшоряю, теперь рѣчь совсѣмъ не о томъ.

«О чемъ же? спросила испрашенная Жозефина...»

— О дѣлахъ, говорю я, о дѣлахъ, повшорилъ Наполеонъ, преодолевая свое сердце.

— Вы не одинъ разъ разговаривали со мною объ нихъ и не рѣдко спрашивали совѣтовъ слабой женщины, но не такимъ голосомъ и не съ такою горькою улыбкою.

— Точно, мнѣ бы должно взять Маншуу и всю Ипалію, а потомъ уже пріѣхать сюда открыть вамъ мысль мою. Императоръ Французовъ, который болѣе всего обязанъ думать о своемъ народѣ, не имѣетъ права терять время на пышное измѣненіе сердечныхъ чувствъ своихъ.» Жозефина опперла передъ Наполеономъ шкапулку съ его письмами, говоря:

» Вошь, Государь, что писалъ ко мнѣ первый Консуль, побѣдитель при Маренго.

— А, это любовныя письма! возразилъ Императоръ, усиливаясь непріятными воспоминаніями заглушить

въ себѣ то чувство, которымъ полна была душа его, и пользуясь случаемъ къ скорѣйшему достиженію своей цѣли, повпорилъ: любовныя письма!... и съ презрѣніемъ взглянулъ на нихъ.... Къ чему ихъ показывать мнѣ? прибавилъ онъ съ смѣхомъ: развѣ прочесть тебѣ то, которое я писалъ съ поля сраженія, измученный трудами, но съ сердцемъ пламеннымъ, подобнымъ вулкану, и занятый только вами, повергалъ вамъ всю мою славу; то самое, на которое вы не удостоили меня отвѣтомъ, носясь въ вихрь Миланскихъ праздниковъ и слушая нѣжности какогонибудь...

»Государь имѣйте ко мнѣ уваженіе, возразила Императрица.

Въ эту минуту послышался шумъ въ ближней комнатѣ, и Жозефина

жалѣла, что сынъ ея могъ слышать эпошъ обидный для нее. разговоръ.

Но Наполеонъ не обращая на по вниманія, разгорячался болѣе и болѣе, и вспоминая всѣ муки перзавшей его ревности, продолжалъ: угодно вамъ, чтообъ я прочелъ еще другое письмо? послушайте.

Онъ смялъ въ рукахъ бумагу и началъ читать:

» Я прѣзжаю въ Миланъ, бросаюсь въ свою комнату, покидаю все, чтообъ себя видѣть и заключить въ свои объятія... Но себя нѣтъ, ты ѣдишь по праздникамъ, удаляешься отъ меня и не думаешь больше о своемъ Наполеонѣ; приходишь заспавила себя полюбить его, непостоянство же дѣлаетъ къ нему равнодушнымъ. Привыкнувъ къ опасностямъ, я знаю средство отъ скуки и отъ бѣды жизни,

несчастіе мое выше всякой мѣры; но не безпокойся, наслаждайся удовольствіями: ты создана для нихъ; цѣль свѣшъ долженъ счищать себя счастливымъ, если можешь тебѣ нравиться, несчастливъ только мужъ твой!

— Я краснѣю отъ этихъ писемъ прибавилъ Императоръ: спрячь или я изорву ихъ: они доказываютъ, что сердце мое ощущало всегда полную любовь, точно такъ какъ и славу; не напоминай мнѣ, что я, первый человекъ въ свѣшъ, могъ имѣть счастливыхъ соперниковъ въ спрашихъ женщины, которую я возвысилъ до степени моей супруги.»

Снова послышался шумъ шаговъ и какъ бы невольно вырвавшійся вздохъ.

— Кто насъ подслушиваетъ? спросилъ Императоръ съ гнѣвомъ: «кто

шамъ?» и подошелъ было къ двери.

»Эпо сынъ мой, отвѣчала Жозефина, не въ силахъ будучи удержать своего негодованія, и сама отворила двери Принцу Евгенію. Онъ бросился въ объятія матери и заглушаемый рыданіями могъ произнесть только: «Мапушка, бѣдная моя мапушка!»

Императоръ съ умысломъ увеличивавшій подозрѣніе, которос внушала ему наружная вътренность Жозефины въ ея молодости, такъ былъ изумленъ внезапнымъ появленіемъ Евгенія и представившеюся ему прогашельною карпиною, что чуть было въ другой разъ не поколебался въ исполненіи принятаго имъ намѣренія, и даже ничего не спросилъ у Вице-Короля о его пріѣздѣ. Жозефина, ос-

корбленная супруга и мать, вновь склонилась къ себѣ Императора.

» Сынъ мой слышалъ мое обвиненіе, сказала она, позвольте же ему, Государь, присутствовать и при моемъ оправданіи....

» Оно будетъ непродолжительно. Я была молода и слишкомъ, можетъ быть, любила свѣтъ, но успѣхи въ немъ относила къ Вашей же славы, и съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась женою Наполеона Бонапарта, въ моей жизни не было ни одной минуты, въ душѣ моей ни одной мысли, въ которой бы я не могла сознаться предъ моимъ супругомъ, какъ предъ Небомъ; дай Богъ, чшобъ Императоръ Наполеонъ, шакъ же былъ чистъ въ своей совѣсти какъ я.»

Во взорѣ, въ голосѣ Императрицы, обыкновенно шихомъ и крошкомъ,

замѣтна была особенная сила опть внутренняго убѣжденія въ правотѣ ея. Императоръ уподоблялся обвиненному: кромѣ того, что Жозефина, бывшая искреннимъ его другомъ, имѣла на него поспоянное право, — супружеская вѣрность его была подвержена сомнѣнію, а оправданіе несообразно было съ его характеромъ и гордостью, особливо при Евгеніѣ.

Наполеонъ перемѣнилъ шонъ, разсудивъ, что онъ скорѣе достигнешъ цѣли, начавъ дѣйствовать кропостью и слезами, нежели запальчивостію, приведшею самого его въ смущеніе.

—Ты совершенно права, милая моя Жозефина, сказалъ онъ :» пламенная любовь ввела меня въ заблужденіе, недостойное себя; я желаю, чшобъ ты всегда была лучшимъ моимъ другомъ. . . . Но пусть Евгеній насъ о-

спавишь на минушу, я долженъ опкрышь тебѣ шягоспную для меня мысль, копорая сполько же будетъ мнѣ спойшь слезъ, какъ и тебѣ, Жозефина.

— Государь, вы можете все говорить при мнѣ, сказалъ Евгеній, предвидя ударъ, гошовый разразитъся надъ его матерью: Импераприца можете бышь, будетъ имѣшь нужду въ сынѣ къ перенесенію своего несчастія.

Жозефина безмолствовала и не понимала ихъ. Она никогда не вѣрила слухамъ, распущеннымъ съ восшеспвія на прешоль ея супруга. Евгеній смотрѣлъ на нее съ полными слезъ глазами.

—Ишакъ, мой другъ, продолжалъ Наполеонъ, пусть сынъ швой, копорый никогда не переспанетъ бышь и моимъ, выслушаетъ и упѣшишь

меня, потому что я рѣшаюсь на величайшее пожертвованіе.» Онъ дружески положилъ руку на плечо Евгенія, а другою сжалъ пальцы Жозефины.

— «Другъ мой! сказалъ онъ наконецъ:» допускаешь ли ты, что глубокая душевная привязанность можетъ существовать при всѣхъ переворотахъ судьбы, и что сердца, питающія взаимную любовь, могутъ по обстоятельствамъ жить врознь, неразлучаемыя по соединяющему ихъ чувству?»

Жозефина и шутъ не понимала его. Безъ истинной любви, Наполеонъ не перемѣнилъ бы своего неперпѣливаго, пылкаго характера, прибѣгая къ такой утонченной уклончивости. Онъ долго пригошовлялъ Жозефину къ ужасной вѣспи. Пошомъ блѣдны-

ми препенуцими устами произнесъ роковое слово *разводъ*, почти съ явнымъ угрызеніемъ совѣсти, и началъ доказывать, что этого пребууютъ польза и слава Франціи.

Наполеонъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ слезъ, крика, обмороковъ, — и чрезвычайно былъ изумленъ, когда Императрица, собравъ свои силы, сказала ему, по видимому, съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Государь! еслибъ я вѣрила оракуламъ, предсказывавшимъ мнѣ, что съ изгнаніемъ моимъ кончится все ваше благополучіе, то не подписала бы предложеннаго вами акта; но вы видите въ томъ блестящую будущность для себя и славу Франціи. . . . я его подписываю.

Несчастливая Жозефина склонила голову на грудь сына, и шихо, шакъ,

что Императоръ ее не слышалъ, прибавила: « я подписываю но не переживу этого. »

— »Что говоришь ты объ изгнаніи ! сказалъ Наполеонъ , пронувшій до слезъ споль возвышеннымъ самоопверженіемъ. Ты, Жозефина, всегда будешь близъ меня , чпобъ я могъ иногда видѣться съ тобою, оспавляя дворець другой супруги, избранной высдами Государства, а не моимъ сердцемъ . . .

— Если оно будетъ принадлежать мнѣ , я все безъ сожалѣнія уступаю той, которая займетъ мое мѣсто; мое лице устарѣло для любви, но не сердце для дружбы. . .

Желаніе имѣть прямого наследника и еще большее самолюбіе не могли испребитъ въ Императорѣ непреодолимую склонность, привлекавшую его

къ Жозефинѣ. Не прежде какъ послѣ многихъ поцѣлуевъ, и омочивъ ее слезами, онъ прекратилъ разговоръ, заставившій самага его вышерпѣшь ужаснѣйшія мученія.

Когда онъ хотѣлъ удалиться, Жозефина подошла къ окну, и видя, что время внезапно перемѣнилось, и заревѣла буря, она тяжело вздохнула; потомъ приказала заложить коляску и проводила Императора до его свиты.

Наполеонъ, по возвращеніи въ Версаль, былъ еще мрачнѣе прежняго. Искаженное, мертвенное лице его, показывало какъ много онъ боролся съ собою.

Едва успѣвъ возвратиться въ Парижъ, Императоръ отправился за границу, спѣша развлечь свой умъ и

спраждущее сердце зрѣлищемъ войны и новыми завоеваніями.

Эпо происходило въ Септябрѣ 1809 года; въ Маршѣ же 1810 Марія-Луиза Австрійская имѣла въ качествѣ новой Императрицы торжественный въѣздъ въ Парижъ.

19 Апрѣля, прежняя Императрица Жозефина, великая и въ несчастіи, писала къ Наполеону письмо, въ которомъ примѣчательны слѣдующія слова, доказывающія благородство души ея.

«Я сдѣлала большое пожертвованіе, и каждый день чувствую всю его важность; но спокойствіе Вашего Величества не будетъ нарушено; я ограничиваюсь одною просьбою: найди средство увѣришь меня и моихъ приближенныхъ, что я всегда занимала нѣкоторое мѣсто въ вашемъ воспоми-

нанія и не была лишена вашей дружбы и уваженія; это облегчило бы мое спрдааніе, не нарушая благополучія Вашего Величества, что для меня всего важнѣе.»

Между тѣмъ какъ Императрица Марія-Луиза среди Вѣнскихъ удовольствій мало беспокоилась о започеніи на островъ Эльбы павшаго съ высоты величія ея супруга, бѣдная Жозефина изнемогала отъ печали, повороря безпреспанно окружавшимъ ее: островъ Эльба!... Наполеонъ!...

Когда побѣдоносный Императоръ возвратился отсюда, чтобы вскорѣ окончить свой вѣкъ, послѣ двадцатилѣтнихъ побѣдъ, на утесѣ Св. Елены, онъ разспрашивалъ докторовъ, что было причиною смерти Жозефины.

— Печаль о вашемъ несчастіи »
опвѣчали ему.

» Да, она меня истинно люби-
ла «сказалъ Наполеонъ со вздохомъ,
и долго плакалъ.

Онъ не былъ изъ тѣхъ нечувств-
вительныхъ людей, которые сты-
дятся того, что у нихъ есть серд-
це; любовь и дружба испортили у него
слезы точно такъ же какъ и слава.